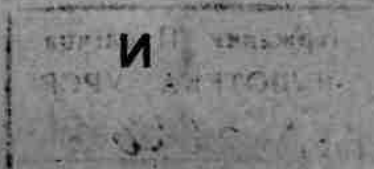

ЗАДАЧА

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ ПРОЧИМЪ НАУКАМЪ.

М. Вольскаго.

Одесса,

печатано въ типографіи Ульриха в Шулце.

1872.

33.01

3
29

Державна Публична
БІБЛІОТЕКА УРСР
№ 401568

Печатано по опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго университета.

Ректоръ Леонтовичъ.

БІБЛІОТЕКА
Державна
УРСР

Задача политической экономіи и отноше- ніе ея къ прочимъ наукамъ.

Едва ли кто либо рѣшится отвергать тотъ фактъ, что наиболѣе характеристическая черта, рѣзко отличающая современную эпоху развитія челоѣчества, прежде всего заключается въ тѣхъ громадныхъ, величественныхъ и поистинѣ поразительныхъ успѣхахъ, которые совершены въ послѣднее время передовыми народами въ области промышленности и народнаго хозяйства. Достоѣрность этого факта признается какъ восторженными поклонниками нынѣшняго вѣка, до крайности превозносящими его за чудесныя открытія, за власть, ежедневно приобретаемую челоѣкомъ надъ неодушевленной природою, такъ и тѣми приверженцами старины, которые, опасаясь гибельныхъ послѣдствій корыстолюбія, эгоизма и злоупотребленія богатствомъ, съ сокрушеніемъ вспоминаютъ о прежней простотѣ нравовъ. Какъ ни разнообразныхъ взглядыво многихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе въ основѣ ихъ лежитъ одна и таже общая мысль, что отличительная, наиболѣе выдающаяся черта современной эпохи, налагающая на нее своеобразный отпечатокъ, рѣзко отличающій ее отъ всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ, заключается въ промышленномъ прогрессѣ, въ экономическомъ процвѣтаніи, передъ величіемъ котора-

го блѣднѣютъ самыя великія героическія предпріятія мнущихся вѣковъ.

Дѣйствительно, стоитъ бросить бѣглый взглядъ на совокупность переворотовъ и превращеній, совершившихся въ экономической жизни народовъ въ теченіи послѣднихъ ста лѣтъ, чтобы убѣдиться въ томъ неоспоримомъ фактѣ, что едва ли какая либо отрасль экономической жизни и общественной дѣятельности осталась безъ переменъ и даже, можно сказать, безъ кореннаго преобразованія. Способы производства, обращенія, распредѣленія и потребленія богатствъ, земледѣліе, мануфактурная промышленность и торговля, отношенія различныхъ сословій и классовъ другъ къ другу, различныя общественныя учрежденія, а влѣтъ съ тѣмъ самыя нравы, обычаи, — словомъ всѣ стороны экономической и общественной жизни, представляютъ нынѣ совершенно иной, своеобразный видъ, существенно отличный отъ всѣхъ предшествовавшихъ формъ. Такого рода коренной переворотъ, безъ преувеличенія дозволяетъ сказать, что мы живемъ среди новаго экономического и общественного порядка, неизвѣстнаго предшествовавшимъ эпохамъ и являющагося, что будущій историкъ нашего вѣка съ полнымъ правомъ можетъ назвать его вѣкомъ промышленнымъ, вѣкомъ народно-хозяйственнымъ.

Наряду и подъ вліяніемъ этого громаднаго развитія и преобладанія промышленныхъ отношеній, совершается также постепенное возникновеніе, развитіе и совершенствованіе науки, почти неизвѣстной древнимъ образованнымъ народамъ, науки о народномъ хозяйствѣ или политической экономіи. Находясь въ тѣсной связи со всѣми выдающимися условіями современной эпохи, близко касаясь всѣхъ жизненныхъ интересовъ и отношеній, наука эта, едва возникнувъ, въ короткое время приобрѣла первостепенное мѣсто въ умственномъ движеніи нашего вѣка, сдѣлалась, на-

равнѣ съ естественными науками, любимымъ предметомъ изученія, привлекла къ себѣ труды множества замѣчательныхъ даровитыхъ личностей и вообще возбудила къ себѣ всеобщее вниманіе и сочувствіе. Этотъ быстрый успѣхъ объясняется тѣмъ, что подъ вліяніемъ развитія новыхъ промышленныхъ отношеній, новыхъ условий экономической и общественной жизни, все болѣе и болѣе ускорилось сознаніе, что только при помощи этой науки можно дать себѣ ясный отчетъ о разнообразныхъ явленіяхъ современной жизни, ее задачахъ, требованіяхъ и стремленіяхъ и вообще правильно понять и обсудить великіе современные общественные вопросы, касающіеся труда, свободы, промышленности и торговли, положенія рабочихъ классовъ, значенія различнаго рода товариществъ, денежнаго обращенія, кредита, пошлннъ и налоговъ, торговыхъ договоровъ, различныхъ административныхъ мѣръ, законовъ и общественныхъ учрежденій, — словомъ всего строя общественной и государственной жизни. Подъ вліяніемъ подобнаго сознанія экономическіе вопросы сильно выдвинулись впередъ, привлекли къ себѣ особенное вниманіе и сдѣлались предметомъ ревностнаго и страстнаго увлеченія, съ какимъ въ семнадцатомъ столѣтіи относились къ вопросамъ богословскимъ, а въ восемнадцатомъ — къ вопросамъ политическимъ и философскимъ. Даже самыя химеры современнаго вѣка, проявляющіяся въ социалистическихъ утопіяхъ, этихъ романахъ положительнаго вѣка, мечтающаго о совершенномъ равенствѣ, всеобщемъ мирѣ и гармоніи, абсолютномъ счастьи и благополучіи, подъ вліяніемъ подобнаго настроенія, получили экономическую окраску и отпечатокъ экономическихъ идей. Неудивительно, что, при столь благоприятныхъ условіяхъ, наука о народномъ хозяйствѣ, въ непродолжительный срокъ своего существованія, достигла значительной степени научнаго совершенства, степени, до

которой не достигли многие науки, несравненно превосходящая ее по времени своего прохождения.

Но, одновременно съ теоретическимъ развитіемъ науки, равномерно возрастало и ея практическое значеніе по отношенію къ ршенію различныхъ общественныхъ вопросовъ, къ опредѣленію идей и стремленій народовъ, къ направлению цѣлей и предпріятій общественныхъ властей. Безъ преувеличенія можно сказать, что почти всѣ вопросы внутренней и внешней политики, различнаго рода общественныя преобразованія, внутренніе перевороты и политическія борьбы, которыми такъ богато наше время, главнымъ образомъ совершались въ послѣднее время подъ знаменемъ экономическихъ идей, если только не были вызваны и порождены ими. И, какъ ни кратокъ срокъ существованія экономической науки, тѣмъ не менѣе едва ли можно серьезно отрицать то благотворное вліяніе, которое она уже успѣла оказать на практическую жизнь современнымъ народамъ, на ходъ общественныхъ дѣлъ и на развитіе человѣческихъ обществъ. Ея, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ прежде всего та несомнѣнная заслуга, что она успѣла освободить насъ отъ многихъ вредныхъ и опасныхъ заблужденій, разсыпала много вкоренившихся предрассудковъ, остерегла отъ многихъ ошибочныхъ средствъ для исправленія существующихъ бѣдствій и породила множество новыхъ полезныхъ и благотворныхъ для человечества учреждений и мѣръ. Проложивъ путь болѣе правильному, глубокому и многостороннему пониманію явленій общественной и государственной жизни, дѣлая очевиднымъ законъ взаимности и солидарности интересовъ, указывая, что свобода труда и справедливость составляютъ существенныя условия для матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія народовъ, она несомнѣннымъ образомъ въ сильной степени содѣйствовала смягченію грубаго эгоизма,

обновленію политики гражданскихъ и международныхъ отношеній, уничтоженію тысячи причинъ, приводившихъ къ столкновеніямъ, переворотамъ и революціямъ. Такъ, показавъ несостоятельность и негодность средневѣковыхъ учреждений, она содѣйствовала къ разрушенію патримональных и феодальныхъ жизненныхъ формъ, уничтоженію оковъ, сковывавшихъ производство, обращеніе и распредѣленіе богатствъ; подготовивъ призваніе человѣческой личности и гражданской свободы во всѣхъ областяхъ общественной жизни, содѣйствовала подчиненію человѣческимъ цѣлямъ естественныхъ силъ природы, направляла свои успѣхи въ осуществленію болѣе правильнаго и равномернаго распредѣленія богатствъ и общественныхъ выгодъ, заставляла о болѣе тѣсномъ соединеніи отдѣльныхъ лицъ и народовъ узамъ взаимнаго интереса, уяснила значеніе различныхъ экономическихъ явленій и обогатила драгоценными объясненіями различныя отрасли общественнаго знанія; словомъ, указавъ на общія начала для основанія правильнаго, разумнаго и мощнаго учрежденія общественной жизни, наука эта, безспорно, съ неопровержимымъ успѣхомъ, стремилась подготовить и утвердить все, что могло поддержать народы и общества на пути общаго благосостоянія, физическаго, нравственнаго и умственнаго прогресса. «Нѣтъ ни одной науки», замѣчаетъ французскій ученый Риве, «которая бы болѣе постояннымъ образомъ поддерживала возвышенность нравственныхъ цѣлей и болѣе мужественнымъ образомъ направляла мысль къ общему благу, какъ политическая экономія. Сказать объ экономистѣ, что онъ любитъ человечество — это плеоназмъ; ибо отысканіе легчайшаго пути, которымъ люди, живя въ обществѣ, могутъ достигать счастья и средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія ихъ потребностей, для участія всѣхъ въ умственномъ и нравственномъ просвѣщеніи и полученія

достаточного вознаграждения за свой трудъ на пользу общую,—вотъ въ чемъ собственно и заключается сущность экономической науки.

Но, какъ бы ни было величественно первое появленіе политической экономіи въ качествѣ науки, какъ бы ни было глубоко влияние, приобретенное ею въ практической общественной жизни, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что наука эта далеко еще не возвысилась до степени всеми признанной, вполне законченной и установившейся системы, что она доселѣ еще представляетъ множество вопросовъ, требующихъ дальнейшей разработки, болѣе тщательнаго изученія и другихъ улучшеній, необходимыхъ для образованія вполне правильнаго совокупнаго пониманія ея общаго научнаго характера.

Такъ къ числу спорныхъ и доселѣ еще неполнѣ рѣшенныхъ вопросовъ принадлежитъ и тотъ весьма важный и существенный вопросъ, на который мы намѣрены обратить специальное вниманіе въ настоящую минуту, именно вопросъ, касающійся опредѣленія предмета и области явленій, изучаемыхъ экономической наукою.

Вопросъ опредѣленія науки имѣетъ важное значеніе въ развитіи каждой науки вообще. Отъ болѣе или менѣе удачнаго рѣшенія его зависитъ ясное и правильное пониманіе предмета, сущности и объема науки, отношенія ея къ родственнымъ ей отраслямъ знанія, и наконецъ сознаніе значенія ея въ общей системѣ человѣческаго знанія. Къ сожалѣнію, въ области политической экономіи вопросъ этотъ не достигъ еще надлежащей степени опредѣленности и законченности и доселѣ еще возбуждаетъ много споровъ и недоумѣній. Въ то время, какъ одни экономисты отводятъ ей весьма умѣренную область и ограничиваютъ ее тѣсными узлами вещественнаго богатства, исключительнаго изученіемъ матеріальныхъ интересовъ; другіе, напротивъ,

расширяютъ ее до науки, обнимающей собою все человѣческіе интересы, все роды богатствъ, неисключая нравственныхъ и умственныхъ. Въ то время какъ для первыхъ обязанность политической экономіи заключается въ изученіи только части общественныхъ явленій, въ изслѣдованіи исключительно человѣческой дѣятельности, направленной на внѣшній вещественный міръ; для вторыхъ она обнимаетъ собою все общественныя явленія, всю цивилизацію, все сферы народной дѣятельности, какъ направленной на внѣшній, такъ и на человѣческій міръ; и такимъ образомъ отождествляется съ обществовѣдѣніемъ, социологіею, практической или политической философіею, съ всеобщою наукою о человѣческой жизни, имѣющею цѣлью познаніе общихъ законовъ, свойственныхъ всемъ человѣческимъ явленіямъ.

Понятно, что такое разогласіе опредѣленія области явленій, изучаемыхъ политической экономіею, необходимо должно было вреднымъ образомъ отражаться на развитіи ея. Оно приводило къ смѣшенію основныхъ принциповъ, препятствовало установленію удовлетворительной терминологіи, порождало бездухъ недоумѣній, бесплодныхъ споровъ и прений, и тѣмъ самымъ невольно вызывало недобвѣрчивое сомнѣніе къ ея научнымъ силамъ и приводило даже некоторыхъ, мало знакомыхъ съ нею, къ совершенному отрицанію ея научнаго значенія, въ качествѣ дѣйствительной и специальной науки.

Впрочемъ, въ оправданіе политической экономіи въ этомъ отношеніи, можно привести прежде всего то обстоятельство, что опредѣленія вообще всегда принадлежатъ къ числу самыхъ трудныхъ и нелегко разрешаемыхъ задачъ. Но, если вообще трудно, а иногда невозможно бываетъ облачить даже небольшое количество фактовъ, даже одну мысль, въ правильную, вполне соответствующую ей

форму выражения, то легко понять, как велики затруднения, когда приходится включать в одну простую, краткую, но ясную формулу, обширную совокупность фактов и идей, обнимаемых цѣлою наукою. Этимъ главнымъ образомъ объясняется, почему не только в политической экономіи, но и в исторіи почти каждой науки, встрѣчается цѣлая масса неудачныхъ попытокъ болѣе или менѣе точнаго опредѣленія науки. Какъ известно, нѣтъ формулы, которая бы удовлетворительнымъ образомъ опредѣляла физику, химию или какую либо другую науку.

Но, если справедливо вообще, что опредѣленіе какой бы то ни было науки принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ задачъ, то тѣмъ болѣе можно сказать это относительно науки, которая касается явленій, относящихся къ нравственному человеческому міру, явленій въ высшей степени сложныхъ и трудныхъ для наблюденія и притомъ относительно науки, которая только въ недавнее время приобрѣла себѣ мѣсто въ кругу другихъ человеческихъ наукъ, и вслѣдствіе самой непродолжительности своего существованія и условій своего развитія и роста, не могла сразу изтъся въ качествѣ строго опредѣленной области изысканій, не могла найти себѣ точнаго опредѣленія, которое возможно только послѣ тщательнаго изученія всѣхъ свойствъ опредѣляемаго предмета, — следовательно, когда наука находится на очень высокой степени развитія.

Но, какъ бы то ни было, политическая экономія требуетъ точнаго опредѣленія предмета ея изученія и области ея изслѣдованій. Такое опредѣленіе не только въ высшей степени желательно, но можно сказать даже безусловно необходимо для успѣшнаго развитія ея. Это вполне сознавали всѣ экономисты и этимъ объясняется существованіе въ исторіи политической экономіи цѣлаго ряда попытокъ опредѣленія предмета и области политико-экономическихъ

изысканій, попытокъ, которыя хотя въ настоящее время и не привели къ окончательному слітію всѣхъ убѣжденій въ одно, тѣмъ не менѣе въ значительной степени уяснили дѣло и, безъ всякаго сомнѣнія, положили прочную основу для окончательнаго разрѣшенія вопроса.

Вообще тщательное критическое изученіе различнаго рода попытокъ, сдѣланныхъ въ разное время съ цѣлью опредѣленія предмета и границъ какой либо науки, представляетъ весьма любопытную и поучительную страницу въ исторіи каждой науки, страницу, которая, освѣщая пройденный наукою путь, въ значительной степени способствуетъ правильному пониманію сущности науки, ея современнаго состоянія, задачъ, преслѣдуемыхъ ею, отношенія ея къ прочимъ областямъ человеческого знанія. Если подобнаго рода критическіе обзоры, бросаемые на пройденное пространство, бывають полезны вообще, то для политической экономіи, относительно которой существовало и существуетъ столько недоумѣній, споровъ и неясностей, столько ложныхъ идей и печальныхъ предразсудковъ, подобнаго рода обзоръ имѣетъ особое значеніе, ибо лучше всего можетъ содѣйствовать уничтоженію тѣхъ неосновательныхъ сомнѣній, которыя возникали относительно существованія ея, а тѣмъ самымъ — къ установленію болѣе правильнаго взгляда на нее и къ полному возстановленію ея научнаго достоинства.

Правда, что подобнаго рода трудъ опредѣленія предмета науки, а также мѣста, занимаемаго ею въ совокупной области человеческого знанія, представляетъ множество неудобствъ, богатъ преніями и противорѣчіями, почти всегда довольно скученъ и однообразенъ; тѣмъ не менѣе, проливая всегда послѣ болѣе или менѣе яркій свѣтъ на науку, онъ проходитъ не безъ пользы, будитъ нашу мысль, насильственно вырываетъ ее изъ оковъ обычной рутинны, и

выводить ее на пошире, на которое она прежде не рѣшалась выступить. Если это не сразу двигает науку впередъ, то, во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ подготавливаетъ возможность дальнѣйшаго движенія, ибо, обозначая болѣе точнымъ образомъ предѣлы науки, расчищаетъ и направляетъ путь, по которому она движется. Все это достаточно показываетъ важность и необходимость предпринятой нами задачи—представить истинный отчетъ, въ чемъ заключается предметъ экономической науки и каковы предѣлы ея и отношеніе къ прочимъ областямъ человѣческаго знанія.

I.

Приступая къ разрѣшенію этой задачи, прежде всего замѣтимъ, что опредѣленіе науки не можетъ имѣть характера произвольной формулы, но необходимо должно вытекать изъ самаго содержанія науки и условий развитія ея. Что касается содержанія науки, то оно, въ свою очередь, обуславливается отношеніемъ науки къ общей системѣ человѣческаго знанія. Большинство писателей, стремившихся опредѣлить задачу политической экономіи, главнымъ образомъ погрѣшало именно въ томъ отношеніи, что они старались извлечь опредѣленіе науки, такъ сказать, исключительно изъ вѣдръ ея; между тѣмъ какъ на оборотъ опредѣленіе науки должно необходимо вытекать не только изъ нея самой, но главнымъ образомъ изъ общей связи ея съ совокупностью всѣхъ другихъ наукъ. Поэтому прежде всего мы попробуемъ выдѣлить изъ общей массы мировыхъ явленій ту совокупность фактовъ, тотъ пориодъ явленій, который долженъ служить предметомъ политико-экономическихъ изученій и потомъ уже постараемся прийти къ тому же результату съ другой точки зрѣнія, инымъ путемъ, именно путемъ историческаго развитія науки. Совпаденіе рациональ-

наго и историческаго способа изслѣдованія этого вопроса будетъ служить лучшимъ критеріумомъ правильности нашихъ выводовъ.

Приступая къ рѣшенію первой задачи, къ выдѣленію изъ общей массы мировыхъ явленій области явленій, которая должна составить предметъ политико-экономической науки, мы прежде всего начнемъ, для избѣжанія недоразумѣній, съ установленія правильнаго и истиннаго взгляда на то, что должно понимать подъ наукою вообще.

Человѣкъ, одаренный различнаго рода потребностями и силами, постоянно принужденъ прибѣгать къ различнаго рода *дѣйствіямъ*, въ основѣ которыхъ должно лежать *знаніе* многообразныхъ силъ и свойствъ природы. Только при помощи подобнаго знанія человѣкъ можетъ добыть себѣ необходимыя средства существованія, увеличить свое могущество и господство надъ природою, расширить значеніе человеческой личности въ совокупномъ мировомъ порядкѣ. Такимъ образомъ окончательная цѣль знанія—практическая, приложеніе къ жизни, то есть, умѣнье пользоваться различными веществами и силами природы для наилучшаго удовлетворенія человѣческихъ потребностей.

Если мы обратимъ теперь вниманіе на постепенный ходъ развитія всякаго знанія вообще, то легко можемъ различить три существенныя другъ за другомъ слѣдующія ступени развитія: *практику, искусство и науку*. Находясь подъ вліяніемъ насущныхъ потребностей жизни, побуждаемый непреодолимыми влеченіями своей природы, требующими быстрыхъ, немедленныхъ способовъ удовлетворенія, человѣкъ прямо приступаетъ къ *практикѣ*, то есть, непосредственно схватываетъ различнаго рода предметы, дѣйствуя при этомъ подъ вліяніемъ инстинкта, осязая, эмпирически.

Только съ нѣкоторымъ дальнѣйшимъ развитіемъ опы-

та, послѣ долгаго ряда попытокъ, постоянно пополняя на-
досугъ свои наблюденія и исправляя ошибки своей практи-
ки, человекъ приходитъ наконецъ съ составленіемъ нѣкото-
рыхъ общихъ правилъ и полагаетъ начало *искусству*, со-
ставляющему вторую ступень развитія знанія.

Но и самое искусство можетъ только тогда достигать
вполнѣ успѣшно предположенной цѣли, если въ основѣ
его лежитъ правильное познаніе различнаго рода естествен-
ныхъ силъ и свойствъ природы, а также законовъ, управ-
ляющихъ ими. Отсюда необходимость самостоятельнаго изу-
ченія разнообразныхъ явленій, соответственно ихъ естес-
ственнымъ свойствамъ и законамъ, независимо отъ ихъ при-
ложенія и практическихъ цѣлей. Такимъ образомъ отъ на-
блюденія и изученія, вызываемаго необходимостью дѣйстви-
вать, переходятъ къ наблюденію и изученію, какъ цѣли,
именно къ чистому познанію истины и такимъ образомъ
создаютъ науку, которая, въ свою очередь, становится са-
мою прочною основою для искусства.

Отсюда легко видѣть существенную разницу между
искусствомъ и наукой. Послѣдняя существуетъ сама собою
и для самой себя и заключается въ безпристрастномъ из-
слѣдованіи истины, въ воспріятіи человѣческимъ сознаніемъ
бытія таковыхъ, какимъ оно существуетъ въ дѣйствитель-
ности или, говоря иначе, въ познаніи отношений, вытека-
ющихъ изъ изученія природы вещей, познанія, которое
даетъ намъ возможность возвышаться до пониманія общихъ
началъ и законовъ, связывать между собою выводы, выте-
кающіе изъ нихъ и излагать ихъ въ опредѣленныхъ фор-
мулахъ и выраженіяхъ.

Напротивъ, искусство находится въ зависимости отъ
науки и заключается въ собраніи и формулированіи прак-
тическихъ предписаній и правилъ, выведенныхъ изъ зна-
нія явленій и законовъ, добытыхъ наукою, — правилъ, соблю-

деніе которыхъ необходимо для успѣшной дѣятельности
человѣка по отношенію къ внѣшней природѣ и его соб-
ственному существу.

Въ то время, какъ наука наблюдаетъ, изучаетъ и
изясняетъ явленія, протекající изъ самой сущности
вещей, указываетъ намъ на абсолютные и неизмѣнные за-
коны, находящіеся въ связи съ вѣчными явленіями, замѣ-
чаемыми всегда и всюду и поэтому независящие отъ ком-
бинацій, къ которымъ прибѣгаетъ человѣческая воля; на-
противъ искусство совѣтуетъ, управляетъ, предлагаетъ пра-
вила и предписанія, вытекающія изъ законовъ, указанныхъ
наукою, и измѣняющіяся сообразно времени, мѣсту, народу
и обстоятельствамъ съ цѣлію увеличенія человѣческаго мо-
гущества. Очевидно, что одна часть изученія представ-
ляетъ характеръ абсолютный, рациональный, спекулятив-
ный; другая же — характеръ относительный, практический;
одна изучаетъ дѣло Творца; другая — дѣло человека; одна
общаема съ собою все время; другая — имѣетъ въ виду
только будущее.

Такимъ образомъ отличительная черта науки заклю-
чается въ томъ, что она изучаетъ явленія въ томъ видѣ,
какъ они существуютъ или развиваются, или, говоря ина-
че, указываетъ свойства вещей, законы природы. Основу
для ея изслѣдованія составляетъ совокупный міръ явленій
со всемъ его богатымъ разнообразнымъ содержаніемъ, со
всеми его веществами, явленіями и силами. Какъ пока-
зываетъ постепенное наученіе и опытъ, согласно съ заклю-
ченіями разума, все міровыя явленія совершаются въ из-
вѣстномъ порядкѣ, опредѣленнымъ способомъ, въ извѣстной
последовательности, въ необходимой между собою связи,
въ извѣстной другъ отъ друга зависимости. Этотъ-то опре-
дѣленный непреложный порядокъ существованія и послѣ-
довательности явленій, называющійся закономъ, и долженъ

служить предметом науки. Но такъ какъ на основаніи опыта и умозаключенія, всё мировыя явленія въ сущности представляють одно нераздельное цѣлое, гдѣ всѣ части тѣсно связаны другъ съ другомъ и гдѣ всѣ переходы совершаются постепенно; то очевидно, что для ума, который былъ бы способенъ объять всѣ эти явленія во всей ихъ совокупности, со всѣми ихъ отношеніями, существовала бы, собственно говоря, одна своеобразная наука, которая въ каждый данный моментъ обнимала бы собою всю совокупность знаний о мировыхъ явленіяхъ, сущность которыхъ была бы изслѣдована и известна.

Но разумъ человеческій не въ состояніи удержаться на такой высотѣ. Вслѣдствіе своей слабости и ограниченности, онъ не можетъ сразу охватить это единство, которое въ сущности заключаетъ въ себѣ необозримое различіе и разнообразіе. По этому, чтобы съ пользою приложить свою познавательную способность, онъ необходимо долженъ прибѣгать къ изученію различныхъ явленій послѣдовательно, по частямъ и довольствоваться соединеніемъ ихъ посредствомъ классификаціи или іерархій. Такимъ образомъ и въ области познавательнаго труда и умственнаго производства для большаго успѣха прилагается тотъ же основной законъ, которой управляетъ всѣмъ развитіемъ человечества и ведетъ къ усилению и усовершенствованію человеческихъ дѣйствій во всѣхъ областяхъ его дѣятельности, именно законъ раздѣленія труда.

Это раздѣленіе труда въ области научныхъ изысканій проявляется въ томъ, что совокупная область мировыхъ явленій для большаго удобства изученія дѣлится на нѣсколько отдѣльныхъ областей изъ которыхъ каждая обнимаетъ одну особенную, тѣсно связанную часть мировыхъ явленій и составляетъ такимъ образомъ *отдѣльную науку*.

Очевидно, что болѣе или менѣе правильное образова-

ніе науки зависитъ отъ болѣе или менѣе правильнаго раздѣленія и разграниченія областей явленій, соответственно самой сущности изучаемыхъ фактовъ.

Но достаточно бросить беглый взглядъ на общую совокупность мировыхъ явленій, чтобы съ перваго раза убѣдиться, что эта совокупность представляетъ двѣ великія самостоятельныя области, именно—область явленій вѣншей природы и область явленій человеческого міра. Природа и человекъ, таковы двѣ основныя силы, двѣ крайнія причины возникновенія всѣхъ разнообразныхъ явленій; а потому, соответственно имъ, и совокупную область человеческого знанія можно раздѣлить на двѣ основныя науки, на науку о *природѣ*, и на науку о *человѣкѣ*. Вникая въ характеръ этихъ двухъ основныхъ наукъ, мы безъ труда можемъ признать, что главная отличительная черта первой заключается въ томъ, что явленія, подлежащія ей изысканію, совершаются на основаніи непреложныхъ естественныхъ законовъ, независимо отъ непосредственной человеческой воли, неподчиняясь постояннымъ образомъ ей; напротивъ, главная отличительная черта второй заключается въ томъ, что предметъ изслѣдованій ея составляетъ самая воля человека и дѣйствія, производимыя ею. Въ этой послѣдней научной области, человекъ, одаренный разумомъ и волею, составляетъ уже не только непосредственную и конечную цѣль научнаго труда, но представляется въ тоже время также и самымъ предметомъ и матеріаломъ научнаго изученія.

Оставаясь въ сторонѣ первой отдѣлы науки, занимающей изученіемъ разнообразныхъ явленій вѣншей, чувственной природы, мы обратимъ вниманіе только на второй отдѣлъ, непосредственно касующійся предмета нашихъ изученій, именно тѣхъ явленій человеческой природы, которыя составляютъ специальное отличіе человека и отно-

сятся къ его духовной, нравственной природѣ. Такъ какъ явленія эти, представляють собою ту отличительную черту, что вытекающая изъ нравственно-духовной природы человѣка, могутъ проявляться и развиваться исключительно только въ средѣ общественной жизни, которая представляется такимъ образомъ не произвольнымъ, случайно составившимся соединеніемъ отдѣльных лицъ, но существенною, безусловно необходимою, нормальною формою существованія человѣка, то и самую науку, занимающуюся совокупнымъ изученіемъ явленій нравственнаго порядка, называютъ наукою общественною, социологію, практическою или политическою философію, политологію и другими болѣе или менѣе удачными именами.

Наука эта, точно также какъ и самый предметъ ея изслѣдованій—человѣкъ и его общественная жизнь и дѣятельность, по самой сущности своей—едина и нераздѣльна. Съ какою бы точки зрѣнія мы не рассматривали сознательную дѣятельность человѣка, мы постоянно находимъ, что она порождается подъ вліяніемъ выбора воли, опредѣляемаго совокупностью нашихъ знаний и совокупностью нашихъ потребностей. Этотъ выборъ активной воли не можетъ быть раздѣленъ даже мысленно; можно изучать его съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ различныхъ способахъ приложенія, но какова бы ни была точка зрѣнія, каковъ бы ни былъ рассматриваемый способъ приложенія, нельзя освободить себя отъ изученія всего нравственнаго человѣка, который представляетъ собою хотя и сложное, тѣмъ не менѣе въ высшей степени органическое, нераздѣльное цѣлое, сохраняющее единство во всѣхъ своихъ способностяхъ и проявленіяхъ.

Но хотя общественная наука, вслѣдствіе единства и цѣлостности предмета своего изученія, должна представлять собою одно органическое цѣлое, тѣмъ не менѣе, вслѣд-

ствіе сложности и разнообразія явленій человѣческой жизни, а также вслѣдствіе ограниченности человѣческихъ силъ, она, также какъ и общія науки о явленіяхъ природы, въ своемъ историческомъ развитіи, для большаго удобства, начала изучать различные общественныя явленія послѣдовательно, по различнымъ группамъ явленій, зависящимъ непосредственно отъ извѣстныхъ причинъ и такимъ образомъ подраздѣляясь на нѣсколько отраслей, изъ которыхъ каждая занялась отдѣльною областью явленій, стала изучать проявленія человѣческой дѣятельности съ своей точки зрѣнія. Такъ образовалась группа общественныхъ наукъ: мораль стала изучать человѣка исключительно съ точки зрѣнія нравственной, правовѣдѣніе—юридической, политика—политической, политическая экономія—экономической.

Но, хотя эти отдѣльныя отрасли общественныхъ наукъ рассматриваютъ человѣческую дѣятельность съ различныхъ точекъ зрѣнія, хотя, повидимому, каждая изъ нихъ отличается довольно рѣзко опредѣленными чертами,—тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что всѣ они состоятъ между собою въ самой тѣсной внутренней связи и зависимости, такъ какъ въ сущности самый предметъ ихъ изслѣдованій представляетъ, собственно говоря, одно нераздѣльное цѣлое, всѣ вѣтви котораго приимають къ одной главной отрасли, которая, въ свою очередь, является отраслью общей человѣческой науки. — Подобно тому, какъ общественная жизнь только тогда можетъ быть названа полною и нормальною, когда всѣ явленія ея находятся въ гармонической связи между собою, точно также и общественная наука—вѣрное отраженіе этой жизни,—только тогда можетъ считаться полною и нормальною, когда всѣ части ея, при всемъ разнообразіи ихъ, излагаются въ тѣсной гармонической связи и систематической зависимости между собою; ибо всѣ они исходятъ изъ одного и того же обща-

го начала и стремится к одной и той же общей цели. Отсюда очевидно, что следует всегда помнить, что подобного рода отдельное изучение различного рода общественных явлений не в состоянии уничтожить действительной связи существующей между ними и что различные общественные науки никогда не могут быть отделены друг от друга неприступными предзнами.

II.

Къ числу наукъ, изучающихъ проявления общественной жизни, по всеобщему сознанию, принадлежит также и наука, составляющая предметъ нашего специально изучения и наиболее известная подъ именемъ политической экономии или науки о народномъ хозяйствѣ. Какъ мы замѣтили уже, наука эта, возникнувъ позже другихъ наукъ, въ непродолжительный періодъ своего существованія, благодаря своему методу и серьезности изучения, заняла первостепенное мѣсто въ кругу другихъ общественныхъ наукъ, достигла существенныхъ результатовъ и въ настоящее время занимаетъ честолюбивое притязаніе охватить собою весь кругъ общественныхъ явлений, рассматривая его съ особой, ей свойственной точки зрѣнія. Въ чемъ же заключается специальный предметъ излѣдованій этой науки, съ какой точки зрѣнія изучаетъ она общественную дѣятельность, каково ея отношеніе къ общей наукѣ объ обществѣ и къ совокупности всѣхъ другихъ наукъ? Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ болѣе или менѣе удачнаго выдѣленія изъ общей массы общественныхъ явлений, той области явлений, той категоріи или порядка фактовъ, который долженъ подлежать ей специальному изученію, а также отъ доказательства того, что эти явленія не только не предоставлены случаю, произволу, смѣщенію,

но представляють въ некоторую правильность, общность и подчиняются опредѣленному естественному порядку.

Но достаточно бросить несколько внимательный взглядъ на людей, живущихъ въ различныхъ обществахъ, чтобы тотчасъ же, среди разнообразныхъ явленій ихъ общественной жизни, примѣтить ту громадную, поразительную совокупность явленій, которая возникаетъ изъ дѣятельности человека, направленной на болѣе или менѣе широкое и полное удовлетвореніе его личныхъ и общественныхъ потребностей. Явленія эти составляютъ необходимый результатъ человеческой природы и своимъ исходнымъ пунктомъ имѣютъ *человѣческую потребность*, то есть, естественныя, врожденныя человеку стремленія къ достиженію целей личныхъ и общественныхъ, къ обезпеченію своего физическаго существованія и развитія, къ познанію истины, къ благопроеженію своего нравственнаго призванія. Дѣйствительно, ни одинъ человекъ не можетъ существовать самъ по себѣ, независимо отъ окружающаго міра. Каждый, по природѣ своей, ощущаетъ физическія и духовныя *потребности*, которыя поставляютъ его въ зависимость отъ вещества и отъ содѣйствія другихъ людей. Взаимное содѣйствіе людей къ удовлетворенію потребностей составляетъ *услуги*; доступное же человеку вещество, приносящее ему какую либо пользу, — *богатство*. При удовлетвореніи своихъ потребностей, человекъ *потребляетъ* богатства и услуги, доставляя себѣ удовольствіе, наслажденіе, *благу*. Но потребленію должно предшествовать приобрѣтеніе, *производство* богатствъ и услугъ, требующее со стороны человека болѣе или менѣе сильнаго напряженія его физическихъ и умственныхъ способностей и силъ, требующее *труда*. Такимъ образомъ только посредствомъ труда, направленного на производство богатствъ и услугъ, человекъ можетъ достигнуть своихъ потребностей, т. е. подчинить себѣ природу, преобразо-

ды общества, и которые, поэтому, несомненно могут служить предметом изучения особой специальной области человеческого знания.

Такая правильность, постоянство и законосообразность явлений, относящихся въ области сознательной дѣятельности человека, направленной на удовлетвореніе его потребностей, не покажется намъ чудесною и сверхъестественною, если мы обратимъ вниманіе на то, что хотя человекъ и обладаетъ известною степенью свободы, тѣмъ не менѣе онъ не всемогущъ, и въ своемъ существованіи, въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своемъ развитіи необходимо подчиняется такимъ же постояннымъ законамъ, какъ и тѣ, которые открываются среди явленій вѣншей природы науками естественными.

Такъ, самое поверхностное наблюденіе показываетъ, что человекъ, развивая свою дѣятельность, направленную на производство богатствъ и услугъ, дѣйствуетъ во—первыхъ въ *внѣшней мірѣ*, подлежащей вѣчнымъ, неизмѣннымъ законамъ, съ которыми онъ необходимо долженъ сообразоваться; во—вторыхъ, что самое *тѣло* человека въ его существованіи, возрастаніи, развитіи и упадкѣ, также подчинено неизмѣннымъ, независящимъ отъ воли человека, такъ что воля эта можетъ опредѣлять только выборъ того или другаго направленія дѣятельности, рѣшать дѣйствовать или не дѣйствовать, но отнюдь не располагаетъ послѣдствіями этихъ дѣйствій. Наконецъ, въ—третьихъ, самый выборъ направленія человеческой дѣятельности, зависящій отъ воли человека, также не представляется капризною и дѣйствующею безъ всякихъ основаній силою, но въ свою очередь обуславливается инстинктивными потребностями нашего существа или нашими вѣрованіями и знаніями, очевидно находящимися въ зависимости не отъ произвола, но отъ степени развитія человеческого *разума*, этого верховнаго руко-

водителя нашихъ дѣйствій, которому равно подчиняются, какъ отдѣльныя лица, такъ и, еще болѣе очевиднымъ образомъ, цѣлыя общества и который прямо побуждаетъ насъ подчиняться потребностямъ нашей природы и законамъ вѣншнаго міра.

Неудивительно, что подъ совокупнымъ вліяніемъ неизмѣнныхъ законовъ міра вещественнаго, неизмѣнныхъ условій нашего земнаго существованія, а также подъ вліяніемъ руководства разума, наши дѣйствія, привычки, страсти и желанія, принимаютъ характеръ постоянства, а потому и въ явленіяхъ промышленнаго, экономическаго міра, несмотря на существованіе видимой свободы и произвола человека, мы замѣчаемъ правильность и постоянство явленій, какъ въ ихъ одновременномъ существованіи, такъ и въ постепенномъ ихъ движеніи и развитіи. Отсюда очевидно, что дѣятельность человека, направленная на удовлетвореніе личныхъ и общественныхъ потребностей, на поддержаніе и развитіе его личной и общественной жизни, дѣятельность, которая называется промышленною, хозяйственною, экономическою, подчиняется известнымъ законамъ не менѣе положительнымъ, какъ и законы, которымъ подчиняется человеческое тѣло, законамъ, происходящимъ изъ природы общества, которыхъ человекъ не устанавливалъ и которыхъ онъ не можетъ отменить. Мы можемъ употреблять въ пользу могущество этихъ законовъ; но, если мы ихъ не признаемъ, то вмѣсто пользы, которой можемъ ожидать отъ нихъ, мы соберемъ только одни бѣдствія.

Очевидно, что существуетъ известнаго рода область явленій, известный порядокъ фактовъ, относящихся къ дѣятельности человека, направленной на удовлетвореніе разнообразныхъ потребностей его природы, порядокъ, который можетъ служить предметомъ отдѣльной самостоятельной науки. Выдѣлить этотъ порядокъ, заключающій въ себѣ

громадную совокупность фактовъ, тѣсно связанныхъ съ человѣческимъ существованіемъ и общественнымъ устройствомъ, изъ общей массы мировыхъ явленій, разъяснить и разложить его при помощи анализа на составные элементы, изыскать различнаго рода причины, обуславливающія существованіе и развитіе его, свести все это къ общимъ принципамъ, къ одному совокупному цѣлому, — словомъ открыть общіе непреложные законы, посредствомъ которыхъ отдѣльныя лица и народы удовлетворяютъ своимъ потребностямъ путемъ собственной дѣятельности въ обществѣ, какъ необходимой формѣ человѣческаго существованія, и извлечь изъ этихъ законовъ непосредственныя слѣдствія — такова дѣйствительная задача политической экономіи, разсматриваемой въ качествѣ науки и искусства. Очевидно, что наука эта имѣетъ для своихъ изслѣдованій предметъ постоянный, всеобщій, существующій на всѣхъ ступеняхъ развитія, во всѣхъ обществахъ, во всѣ эпохи; предметъ опредѣленный, подлежащій наблюденію, могущій быть приведеннымъ къ постояннымъ законамъ, а слѣдовательно вполне имѣющій право на самостоятельное существованіе и на образованіе науки *sui generis*.

III.

Въ предшествовавшемъ изложеніи, исходя изъ общаго взгляда на совокупность человѣческихъ знаній, мы пришли къ тому убѣжденію, что задача политико-экономической науки, заключается въ изученіи тѣхъ непреложныхъ законовъ, которымъ подчиняются отдѣльныя лица и общества въ своей дѣятельности, направленной на удовлетвореніе разнообразныхъ потребностей ихъ природы. Въ основѣ такого взгляда на научное значеніе политической экономіи лежатъ сознаніе извѣстнаго естественнаго порядка, извѣстной правильности и послѣдовательности явленій, говоря иначе,

пониманіе народнаго существа и всѣхъ явленій его жизни въ видѣ цѣльнаго организма, развивающагося по законамъ естественной необходимости, вытекающимъ изъ внутренняго существа чловѣка и его отношеній къ внѣшнему міру. Но такого рода взглядъ, составляющій плодъ долговременнаго историческаго изученія, былъ впервые выраженъ только въ половинѣ прошлаго столѣтія физиократами, которые, указавъ на существованіе естественнаго порядка въ человѣческихъ обществахъ, впервые пришли къ сознанію возможности основанія новой науки, которую они назвали политической экономіею.

Такое позднее появленіе политической экономіи невольно возбуждаетъ вопросъ, почему люди такъ долго не могли прийти къ систематическому научному изученію предмета, который, повидимому, такъ близко касался ихъ ежедневной жизни, такъ сильно затрогивалъ ихъ ежедневные интересы? Разрѣшеніе этого вопроса заключается, какъ во внутренней природѣ явленій, изучаемыхъ этою наукою, такъ и въ общихъ условіяхъ развитія человѣческаго знанія вообще и экономическаго въ особенности.

Исторія развитія науки вообще съ полною достовѣрностію подтверждаетъ тотъ естественный логическій принципъ, на основаніи котораго постепенное развитіе знаній идетъ прогрессивно, начиная съ простыхъ и общихъ явленій и постепенно переходя къ явленіямъ сложнымъ и спеціальнымъ. Но изъ всѣхъ наукъ, политическая экономія касается явленій самыхъ спеціальныхъ, вѣдчивыхъ и сложныхъ, зависящихъ отъ воли и страстей чловѣка, и потому въ высшей степени трудныхъ для собиранія и анализа. Сверхъ того, возникнувъ подъ вліяніемъ практическихъ потребностей общественнаго сожитія и государственнаго управленія, постоянно сохраняя свой близкій къ жизни практической характеръ, приходи въ непрерывное столкнове-

ние со страстями и интересами отдельных лиц и классов, она почти на каждом шагу встречала множество важных и непреодолимых препятствий, немалых других наук, препятствий, предно действовавших на развитие и распространение ее истины. Неудивительно поэтому, что она являлась на историческую сцену позже других отраслей человеческого знания.

Для того, чтобы она могла явиться в качестве стройной систематической науки, необходимо было продолжительный исторический опыт, богатый запас пережитых фактов и состояний, высокая степень развития и совершенства других наук, глубокое понимание сущности народа и человечества, значительное развитие познавательного могущества и умственного образования вообще. Все это, с одной стороны, достаточно объясняет, почему глубокое сознательное и систематическое изучение экономических фактов, их природы, причин и последствий, взаимной связи, отношений и гармония их, важности и значения их в общей народной жизни, составляет плод высшей цивилизации, приобретение позднейшего времени, результат умственной деятельности той великой эпохи умственного просвещения, которую столь справедливо называют эпохой гуманности и просвещения.

Но, независимо от этих препятствий, вытекавших из самой сущности предмета изучения политической экономии, позднее появление этой науки объясняется также условиями развития всякого знания вообще. Как мы заметили уже прежде, всякое знание в своем историческом развитии начинается с практики, потом переходит к состоянию искусства и только под конец своего развития появляется в вид чистой науки. Тоже замечаем мы и по отношению к политической экономии. Сначала она была слепой практикой в руках народов и правительств,

потом формулировалась в некоторых общих предписаниях и правилах и сдвигалась искусством, и только под конец долгого развития выступила в качестве науки.

Как практика, политическая экономия восходит к первым моментам цивилизации. Подобно тому, как люди долгое время жили, не зная устройства человеческого тела и жизненного принципа, точно также и различного рода человеческие союзы, под влиянием практических потребностей своей природы, с незапамятных времен, совершали различного рода экономические явления, производили и потребляли, обменивали богатства и услуги, словом существовали и даже благоденствовали, не зная, чьм обуславливаются общественное благосостояние, не думая о причинах различных общественных явлений, не возвышаясь к познанию законов и сил, производящих эти явления.

Несомненно также, что во все время существовали мыслители, которые изучали некоторые экономические явления, а также и те, что различного рода правительства с незапамятных времен руководились различного рода правилами и соображениями по отношению к своей практической деятельности. Но, понятно, что подобного рода безотчетная, инстинктивная стремления отдельных лиц и народов к экономической деятельности, подобного рода темными эмпирическими представлениями об экономических фактах, а также простые бессвязные собрания разрозненных, оторванных друг от друга правил, которым подчинялись народы и правительства в своей практической деятельности, представляли собою элементарные попытки практической экономии, незаслуживали названия науки. Как мы заметили уже прежде, право на почетное название науки имеет только такое знание, которое систематически изучает взаимные отношения, связывающие факты, причины и законы, управляющие ими. А для этого необходимо требуется, чтобы

въ изучаемыхъ явленіяхъ были связь, постоянство отношеній, неразрывность явленій, или, говоря иначе, сознание известнаго естественнаго порядка, известной правильности и послѣдовательности явленій.

Но, какъ показываетъ исторію развитія экономическихъ идей, какъ въ древности, такъ и въ средніе вѣка, далеко даже не подозревали, чтобы въ области хозяйственнаго міра, въ экономической организаціи обществъ, существовала какой либо естественный порядокъ. Напротивъ, въ теченіи этого продолжительнаго періода, вслѣдствіе недостатка опыта, наблюденій и знаній вообще, господствовало мифіе, и доселѣ еще не совершенно исчезнувшее, что въ области промышленнаго міра все предоставлено слѣпому случаю, произволу противоположныхъ личныхъ стремленій, подъ вліяніемъ которыхъ все общество представляетъ безпорядочное соединеніе разнородныхъ элементовъ, смѣшанныхъ въ одну общую массу, которую только разумъ законодателя можетъ привести въ стройную систему. Очевидно, что при такомъ взглядѣ нельзя было искать естественныхъ законовъ, сознанія общихъ началъ, словомъ всего того, что составляетъ обыкновенное содержаніе настоящей науки.

Такого рода ошибочный взглядъ на характеръ экономическихъ явленій, главнымъ образомъ обуславливался неблагоприятнымъ вліяніемъ совокупности общественныхъ фактовъ и состояній, въ основѣ которыхъ лежалъ ошибочный взглядъ на сущность человѣческой природы и общественныхъ отношеній.

Такъ, известно, что древній міръ, исходя изъ ложныхъ нравственныхъ началъ, отвергавшихъ значеніе человѣческой личности, пришелъ къ ошибочной общественной организаціи, основанной на господствѣ и преобладаніи матеріальной силы. Ясно, что при такомъ состояніи общества, когда рабство, добыча, грабежъ и разбой для отдѣльныхъ

лицъ, нашествія и завоеванія для государствъ, украшенныя болѣе или менѣе пышными именами, считались обычными, вполне правильными и законными способами пріобрѣтенія богатствъ, ясно, что при такомъ состояніи общества, человѣческой разумъ, погруженный въ ошибки, увлекаемый теченіемъ событій, не могъ проникнуть до основанія науки до сознанія законовъ экономическихъ явленій и послѣдствій ихъ. Такое состояніе общества необходимо приводило къ отрицанію гражданскихъ правъ личности, къ подчиненію отдѣльнаго лица всемогуществу государственной власти, къ униженію труда вообще и къ презрѣнію различнаго рода механическихъ занятій и торговли, считавшихся занятіями грязными, недостойными свободнаго человѣка, наконецъ къ пренебреженію самаго богатства, въ которомъ, вслѣдствіе способа пріобрѣтенія его, не безъ основанія, видѣли не столько добро, сколько зло, которое наперерывъ осуждалось философами, моралистами и законодателями, какъ неизбежная причина разврата, роскоши, нравственной порчи и упадка для отдѣльныхъ лицъ и народовъ.

При такомъ неправильномъ взглядѣ на нравственныя отношенія, при такомъ ошибочномъ общественномъ устройствѣ, при такихъ ложныхъ международныхъ отношеніяхъ, весьма естественно, экономическая наука не могла процвѣтать, тѣмъ болѣе, что подъ вліяніемъ общаго настроенія, даже величайшіе философы древности, пренебрегали этимъ предметомъ изслѣдованій, какъ мало достойнымъ вниманія и даже могущимъ унизить ихъ въ глазахъ современниковъ. Правда, и некоторые привилегированные умы, одаренные высшею силою, какъ Аристотель, Платонъ и Ксенофонтъ, успѣли, даже съвязъ нравъ неправильныхъ явленій древняго общества, проникнуть до некоторыхъ экономическихъ истинъ, собрать и въ второе количество наблюденій, прослѣдить и въ некоторые проблески науки; но даже и въ

высшей степени трудно и почти невозможно, на основании нескольких частных и неполных, весьма ограниченных и безсвязных наблюдений, возвыситься до принципов, понять и определить их общий объем, указать на их настоящее значение в совокупности общего знания и образовать отдельную науку. Вследствие этого, хотя в древнюю эпоху и существовали многочисленные факты и в некоторых хозяйственных правилах, тем не менее стройного научного знания не было и, вообще, даже классические народы извѣли объ этой науцѣ самыя темныя и смутныя понятія.

Въ дальнѣйшій періодъ историческаго развитія, съ появленіемъ христіанства, повидимому, являюся съ одной стороны болѣе благоприятныя условія для развитія экономической науки. Христіанство производитъ коренной переломъ въ нравственныхъ воззрѣніяхъ на сущность человѣческой природы и на взаимныя отношенія людей. Въ противоположность языческому міровоззрѣнію, основанному на естественномъ неравенствѣ и различіи человѣческихъ породъ, оно устанавливаетъ принципъ единства и равенства всѣхъ людей, какъ по происхожденію, такъ и по конечной цѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно впервые возвышаетъ значеніе человѣческой личности и человѣческаго достоинства, провозглашаетъ принципъ нравственной ответственности каждаго за свои дѣйствія, указываетъ на необходимость и высокое общественное значеніе труда, видитъ въ немъ условіе не унижающее человѣка, какъ полагало язычество, но естественное состояніе человѣка, содѣйствующее улучшенію его природы, словомъ—полагаетъ начало новому общественному порядку, основанному на совершенно противоположныхъ языческому міру нравственныхъ началахъ. Но для того, чтобы новый общественный порядокъ могъ сколько нибудь установиться, соответствующе этому высокому

идеалу, необходимо было много исторической работы, много времени и усилій. А между тѣмъ дѣйствительность, создавшаяся подъ вліяніемъ языческаго міровоззрѣнія, представляла собою глубокую противоположность съ нимъ. Повсюду господствовало начало физической силы, личность была совершенно подавлена и унижена, наиболѣе священные права ея были попораны самымъ грубымъ образомъ и потому неудивительно, что подъ вліяніемъ такой тягостной обстановки, народы, по необходимости, должны были отказаться отъ всякой мысли достигнуть земнаго благополучія, отъ всякой возможности удовлетворенія законнымъ требованіямъ своей природы. Отсюда весьма естественное направленіе современной мысли народовъ—искать счастья, котораго они не находили на землѣ, въ мечтахъ о загробной жизни.—Такъ объясняется чрезвѣрное развитіе религиозныхъ интересовъ, поглощающихъ вниманіе народовъ въ теченія цѣлыхъ вѣковъ, преобладающее стремленіе къ приобрѣтенію высшихъ земныхъ благъ, пренебреженіе къ земнымъ богатствамъ, добровольное отреченіе не только отъ своего имущества, но даже и отъ личной свободы для приобрѣтенія царства небеснаго. Но, понятно, что такое аскетическое направленіе, въ соединеніи съ внутреннимъ неурядиствомъ средневѣковой жизни, съ анархіею и беспорядками, происходившими вслѣдствіе броженія различныхъ организующихся общественныхъ элементовъ, полагали слишкомъ сильныя преграды развитію экономической науки и содѣйствовали тому, что даже и тѣ зародыши науки, которые существовали въ древнемъ мірѣ, не только не получили дальнѣйшаго развитія, но подверглись даже почти совершенному забвенію.

Для того, чтобы экономическія изысканія могли снова появиться, необходимо было, чтобы для нихъ открылось лучше приготовленное и болѣе богатое общественныя пре-

вращения поприще народной жизни. Такой момент действительство наступил в переходную эпоху из средних веков к началу новых. В этот момент времени совершается целый ряд всемирно-исторических событий, имевших громадное влияние на всю совокупность общественных явлений и содействовавших коренному перевороту народной и государственной жизни. Под влиянием развития и укоренения христианских идей, а также других благоприятных исторических условий, в этот момент времени свобода труда начинает делать успехи в различных государствах Европы. Рабство совершенно исчезает; крепостное право начинает постепенно ослабевать; личность мало по малу вступает в свои права; целые классы народа, безправные и угнетенные до того, начинают приобретать силу и значение в государстве. Вместе с постепенным развитием общественной свободы, появляется более сильная общественная власть, устанавливается большая безопасность личности и собственности, начинается более оживленный и быстрый полет промышленности и торговли, усиленное развитие богатств и вообще цивилизации. Повсюду является жажда к приобретению материальных богатств и наслаждений, стремление к усиленной деятельности, к новым открытиям и усовершенствованиям, передвижениям и путешествиям. Это была эпоха изобретения компаса, пороха и книгопечатания; открытия Америки и восточного пути в Индию; эпоха возрождения искусств и наук, основания университетов, религиозной реформы; наконец, эпоха образования самостоятельных государств, усиления централизации и преобладания монархической власти над различного рода разрозненными общественными элементами: церковью, дворянством и обществами.

Неудивительно, что в эту эпоху всеобщего преоб-

разования и обновления промышленной, политической, религиозной и вообще всей совокупной общественной жизни, начинается усиленное движение и в области политических наук, движение, которое пробуждает особый интерес к экономическим вопросам со стороны правительств и отдельных лиц.

Монархические правительства, достигнув в эту эпоху полного торжества над разрозненными средневековыми общественными элементами, начинают обращать особенное внимание на упрочение государственного порядка, на усиление политического могущества, на лучшее устройство финансов, на способствование и развитие народно-хозяйственных сил. Под влиянием совершающихся событий, они приходят к сознанию, что богатство, могущество и сила их находятся в зависимости от богатства и средств народов и потому начинают обращать самое тщательное внимание на различного рода отрасли народно-хозяйственной деятельности и подвергают земледельческую и мануфактурную промышленность, внешнюю и внутреннюю торговлю и вообще всякого рода труд, обращение и потребление богатств, самым разнообразным ограничениям в меру в общих интересах государственных целей.

Таковы были исторические причины, побудившие подумать о водворении большей правильности в хозяйственных отношениях, особенно между государством и частными лицами и о поощрении промышленности.

К сожалению, под влиянием событий этой эпохи, сложилось и укоренилось ошибочное превратное убеждение, что государство должно быть главным двигателем и руководителем частной экономической жизни, что оно должно быть предпринимателем во всех отраслях промышленной деятельности, заботиться об усовершенствовании ре-

железъ и мануфактуръ, объ усиленіи и оживленіи торговли, о распространеніи благосостоянія, должно быть главнымъ орудіемъ челоуколюбія и распространенія образованія, слогомъ, что все блага жизни и цивилизаціи достигаются не посредствомъ усилій частныхъ лицъ, но главнымъ образомъ зависятъ отъ административныхъ мѣръ.

Такого рода крайность, чрезмѣрно расширившая задачи государства, приводила къ ложному пониманію природы общественной жизни. На общественную жизнь начали смотрѣть, какъ на искусственный механизмъ, который, при удачномъ сочетаніи частей, какъ бы по волшебному жезлу, могъ создавать благосостояніе и образованность. Такая мысль, проникая въ дѣйствительность, весьма естественно порождаетъ несбыточные надежды и чрезмѣрныя ожиданія.

На основаніи этихъ общихъ указаній, легко понять характеръ первыхъ экономическихъ сочиненій. Содержаніе ихъ главныхъ образомъ ограничивалось изслѣдованіемъ различныхъ практическихъ вопросовъ, какъ-то: податей и налоговъ, торговли, мореплаванія, монеты, кредита, колоній и другихъ экономическихъ вопросовъ, преимущественно касавшихся финансовъ и администраціи.

Къ сожалѣнію, во всехъ этихъ сочиненіяхъ, почти одновременно во множествѣ появившихся въ Италіи, Англій, Франціи, Германіи и Испаніи, общія экономическія начала высказывались отрывочно, безъ послѣдовательной и строгой связи, большую частью въ видѣ практическихъ правилъ и предписаній для тѣхъ народовъ, къ которымъ принадлежали авторы ихъ. Такимъ образомъ сочиненія эти положили начало изслѣдованію экономическихъ вопросовъ, но совокупнаго научнаго пониманія ихъ еще не существовало. Политическая экономія въ эту эпоху не выходила изъ предѣловъ практическаго искусства и не имѣла особыхъ привилегій на званіе отдельной науки. Для писателей того

времени, она представлялась не болѣе, какъ отраслью административнаго искусства государственнаго управленія, и именно тою отраслью, которая касалась матеріальныхъ интересовъ народа. Главное стремленіе этого искусства, предшествовавшаго наукѣ, если только не имѣло исключительнаго къ виду финансовой стороны дѣла, состояло въ томъ, чтобы посредствомъ постояннаго и прямого вѣдательства правительства въ экономическое развитіе общества, содѣйствовать обогащенію народа, увеличенію народнаго богатства. Все писатели, считавшіе себя экономистами, полагаали, что призваніе ихъ заключается въ томъ, чтобы указывать способы, предписывать правила для обогащенія народа, въ интересахъ котораго они писали, не подвергая анализу причинъ богатства или не возвышаясь до интересовъ всего человечества. При этомъ между ними существовала та разница, что одни желали богатить народъ, поощряя преимущественно земледѣліе, считая сырые продукты земли болѣе обильными и вѣрными источниками богатства, нежели продукты, доставляемые мануфактурною и торговою промышленностью; другіе, напротивъ, руководясь тою мыслью, что народы могутъ обогатиться только однимъ на счетъ другаго, возлагали всю свою надежду или на исключеніе иностранныхъ произведеній или на насильственное расширеніе вѣдшихъ рынковъ; и потому главное вниманіе обращали на мануфактурную промышленность и торговлю, при чемъ различались въ самомъ способѣ различнаго рода мѣръ, направленныхъ главнымъ образомъ то на вѣднюю торговлю, то на внутреннюю, то на организацию мануфактурной промышленности. Такъ дѣйствовали Сюлли, Кольберъ, Кромвель и другіе государственные мужи. Но, какова бы ни была разница въ ихъ принципахъ и способахъ, все они стремились къ одной и той же цѣли—непосредственному обогащенію народа, увеличенію народнаго богатства.

Такимъ образомъ эти изысканія носили характеръ искусства. Экономисты занимались отысканіемъ специфическаго средства для обогащенія народа, точно также, какъ искали нѣкогда всенсѣбяющаго лекарства и философскаго камня. Очевидно, для политической экономіи это была донаучная эпоха, моментъ развитія, который Бэконъ характеризуетъ названіемъ естественнаго быта науки, эпоха, когда наука обрабатывалась не какъ отрасль умозрительнаго изслѣдованія, а только въ виду ежедневной практики. Но среди этихъ тщетныхъ попытокъ создать искусство, имѣющее непосредственную цѣлью увеличеніе богатства, постепенно накоплялся матеріалъ и подготавлилась почва, на которой съ теченіемъ времени не замедлила возникнуть наука. Занимаясь явленіями промышленной жизни съ цѣлью подчинить ихъ своимъ случайнымъ планамъ и управлять ими, согласно своимъ взглядамъ, публицисты привыкли мало по малу къ наблюденію, пристальнѣе стали вглядываться въ сущность экономическихъ явленій и пришли къ разбору множества крайне важныхъ задачъ. Болѣе внимательное и глубокое изученіе этихъ явленій, не замедлило показать, что въ промышленной организаціи общества, подъ наружнымъ вышнимъ безпорядкомъ, скрываются нѣкоторыя черты поразительной гармоніи естественнаго порядка, независимаго отъ человѣческаго произвола и обусловливаемаго естественными законами природы. Сначала смутно, а потомъ все яснѣе и яснѣе начали сознать необходимость постоянства извѣстныхъ отношеній, неизмѣнность и правильность условий движенія и развитія. То, что казалось сначала игрою случая, произвола, начало принимать иной видъ, иное значеніе. При болѣе тщательномъ изученіи оказалось, что миллионы отдѣльныхъ лицъ, вращающихся на промышленномъ попріицѣ народнаго хозяйства, умѣютъ также хорошо связывать, подчинять свои труды оди дру-

гихъ, такъ что, несмотря на видящее вышнее смѣшеніе и кажущійся безпорядокъ, они всѣ съобща содѣйствуютъ производству опредѣленныхъ результатовъ, при чемъ каждый исполняетъ свою опредѣленную роль. Такимъ образомъ мракъ началъ мало по малу разсѣиваться и тамъ, гдѣ прежде находили хаосъ, начали находить величественный планъ, гдѣ видѣли случай и произволъ, начали находить изумительный порядокъ; что считали аномаліей, уклоненіемъ, въ томъ замѣтили мысль и аналогію съ однородными фактами. Въ умѣхъ все яснѣе и яснѣе начало возникать сознаніе существованія естественныхъ законовъ, естественнаго порядка вещей, лежащаго въ основѣ общества и вытекающаго изъ сущности человѣческой природы и ея отношеній къ вышнему міру.

IV.

Хотя сознаніе естественнаго порядка, господствующаго въ человѣческихъ обществахъ, пробивалось у многихъ мыслителей и политическихъ писателей, сочиненія которыхъ главнымъ образомъ были написаны въ виду достиженія практическихъ цѣлей, тѣмъ не менѣе заслуга перваго положительнаго систематическаго выраженія его, принадлежать физиократамъ и главнымъ образомъ главѣ и основателю этой школы Франциску Кэнэ.

Физиократы жили въ эпоху, которая имѣетъ важное значеніе, какъ по отношенію къ промышленному развитію, такъ и по отношенію къ развитію науки. Это былъ моментъ, когда повѣвшая цивилизація окончательно овладѣла міромъ, когда свободный трудъ сдѣлался общимъ закономъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ, когда подъ вліяніемъ различнаго рода техническихъ и механическихъ усовершенствованій, началъ совершаться тотъ громадный переворотъ, продолжающійся донынѣ, который, вслѣдствіе замѣны мел-

каго ремесленного производства большимъ мануфактурнымъ и фабричнымъ, повелъ къ значительному увеличению производительнаго могущества челоѵка, къ громадному расширенію внутренней и внешней торговли, денежной и кредитной системы и вообще къ совершенному преобразованію промышленнаго устройства и общественнаго строя. Вывести съ тѣмъ это былъ въкъ просвѣтительной философіи, когда свобода и челоѵческаго достоинство, равенство и уваженіе къ челоѵческой личности, господство разума и религиозная терпимость, свободное наследованіе и ненависть къ государственному произволу, сдѣлались исходными пунктомъ и цѣлью всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ произведеній тогдашней литературы. Неудивительно, что въ этотъ моментъ великаго умственнаго движенія, когда особенно усилилось изученіе различныхъ вопросовъ, касавшихся челоѵка и общества, природы и причинъ богатства, и когда къ изслѣдованію этихъ вопросовъ начали прилагать тотъ же самый методъ изученія и наблюденія фактовъ, которому были обязаны своимъ развитіемъ и процвѣтаніемъ все новѣйшія науки, неудивительно, что въ этотъ моментъ и совершается торжественное выступленіе политической экономіи въ качествѣ новой науки объ обществѣ.

Подъ вліяніемъ новаго общественнаго и умственнаго направленія, въ умахъ некоторыхъ мыслителей укоренилось убѣжденіе, что все въ мірѣ подчиняется извѣстнымъ физическимъ и нравственнымъ законамъ, и что поэтому и общественный строй, какъ часть міровой экономіи природы, живетъ также своею самобытною жизнью, покоящеюся на прочныхъ и законныхъ основаніяхъ, составляющихъ проявленіе естественнаго порядка вещей.

Въ основѣ этого убѣжденія лежала та великая нравственно-философская истина, которая учила, что главная сила, руководящая всѣми челоѵческими поступками, всею

челоѵческой дѣятельностію, заключается въ его любви къ самому себѣ, въ его личномъ интересѣ, который представляетъ собою самую могущественную природную силу, дѣйствующую во все время и у всѣхъ людей, силу, которая при правильномъ развитіи своей, лучше всего въ состояніи привести челоѵка къ окончательной цѣли его существованія, къ болѣе полному и совершенному овладѣнію природою, къ богатству, благосостоянію, нравственному и умственному усовершенствованію.

Но для того, чтобы эта сила была возможностью правильнаго и подлаго развитія, необходимо, чтобы она развивалась въ общество, которое также представлялось имъ не простымъ, болѣе или менѣе несовершеннымъ сознаніемъ челоѵка, но дѣломъ Всемогущаго Творца природы.

Вывода такимъ образомъ изъ закона челоѵческой природы назначеніе челоѵка жить въ общественномъ союзѣ. Кѣмъ и его исследователямъ основательно полагали, что благо каждой отдельной личности въ обществѣ можетъ развиваться только подъ условіемъ справедливости, то есть, охраненія правъ всѣхъ прочихъ личностей, говоря иначе — въ соразности личныхъ дѣяній съ общимъ интересомъ челоѵчества.

Такимъ образомъ въ основѣ эгалитарическаго ученія лежало сочетаніе личнаго и общаго интереса, полезности и справедливости. Но справедливость, по ихъ понятію, прежде всего требовала для своего осуществленія, чтобы каждой личности была предоставлена возможно большая свобода и просторъ проявлять свое могущество, съ однимъ лишь ограниченіемъ, не вредить интересамъ другихъ лицъ. Изъ этой свободы личности въ ея непосредственной сферѣ дѣянія вытекало также право собственности или право располагать по произволу плодами своего труда. Безъ справедливости, свободы и права собственности, вытекающихъ

из самой природы человека, физиократы не допускали свободного развития человеческих интересов, то есть прогресса общественной жизни, в которой обязанность закона и правительства должна заключаться только в охранении справедливости, свободы и права собственности каждого лица.

Таково было происхождение знаменитой формулы: «laissez faire, laissez passer», формулы слишком мало понятой, но которая заключала в себя глубокий смысл и, без всякого сомнения, была первым откровением науки. Смысл этой фразы заключался в томъ, что в высшей степени ошибочно предполагать, как думали тогда вообще все, будто бы общественный миръ представляет собою безобразное, случайное цѣлое, беспорядочное соединеніе силъ, бездушное тѣло, дѣйствующее безъ всякаго руководящаго начала, безъ связи и зависимости явленій, и что, слѣдовательно, этотъ миръ, предоставленный случаю, нуждается въ рукъ распорядителя, которая бы руководила и направляла различными общественными силами, соответственно исполненно составленнымъ комбинаціямъ и вперед составленнымъ планамъ. Такое возрѣніе, вызывавшее внимательство правительства въ частную экономическую дѣятельность, содѣйствовавшее сильному развитію полномочія государства, было, по мнѣнію физиократовъ, въ высшей степени ошибочно. Исходя изъ болѣе правельнаго пониманія значенія человеческой личности и правъ ея, они утверждали, что промышленный миръ далеко не предоставленъ случаю, что, напротивъ, въ основѣ его, подъ вѣдшимъ беспорядкомъ, скрывается глубокий внутренній порядокъ, развивающійся на основаніи непреложныхъ естественныхъ законовъ, вытекающихъ изъ условій физической и нравственной организациі человека и ея отношеній къ вѣдшему миру. И такъ какъ подобный порядокъ существуетъ,

то очевидно, первая обязанность, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и правительства, состоитъ въ томъ, чтобы изучать его и сообразоваться съ нимъ, если только желаютъ, чтобы различного рода практическія мѣры и правительственныя дѣйствія достигали предполагаемой цѣли.

Очевидно, что фраза *laissez faire, laissez passer*, понимаемая въ такомъ истинномъ ея смыслѣ, представлялась одною изъ глубочайшихъ философскихъ и наиболѣе истинныхъ фразъ, которыя когда либо произносились. Она заключала въ себя откровеніе науки, ибо указывала на существованіе естественнаго порядка вещей, на существованіе естественныхъ законовъ, которые должны были служить предметомъ изученія науки и безъ существованія которыхъ наука была бы немислима.

Понятно, что такой взглядъ на сущность промышленныхъ отношеній долженъ былъ измѣнить характеръ и направленіе экономическихъ изслѣдованій. Главное дѣло заключалось уже не въ томъ, чтобы создать искусство, непосредственнымъ результатомъ котораго было бы обогащеніе народа путемъ законодательныхъ мѣръ, но чтобы изучить и научно разъяснить тотъ величественный естественный порядокъ, господствующій въ человеческихъ обществахъ, который вытекаетъ изъ свободнаго проявленія дѣятельности частныхъ лицъ, дѣятельности собственно и составляющей настоящій источникъ народнаго богатства.

Впрочемъ изъ этого не слѣдуетъ заключать, что послѣдователи Кэнэ совершенно отказались отъ образованія экономического искусства. Они не могли и не должны были отказываться отъ этой задачи, подъ опасеніемъ сдѣлать бесплодную самую науку. Но для того, чтобы это новое искусство, болѣе рациональное нежели прежнее, было возможно, не слѣдовало уже ограничиваться, какъ прежде, однимъ непосредственнымъ стремленіемъ къ созданію бо-

гатства; но необходимо было, чтобы оно вытекало из истины, добытых наукою и приводило къ опредѣленію естественныхъ границъ вмѣшательства правительственной власти въ дѣло промышленныхъ интересовъ и регулированию этого вмѣшательства, сообразно естественнымъ законамъ промышленнаго міра.

Понятно, почему съ этой поры богатство собственно перестало быть предметомъ, какъ науки, такъ и искусства; а потому необходимо было измѣнить и самый смыслъ прежнихъ формулъ и опредѣленій и приваровать ихъ къ преобразованной наукѣ. И надо отдать справедливость Кэнэ и его послѣдо-вателямъ, что они хорошо сознали требованіи этого переворота, какъ видно изъ названій, которыя они давали своей вновь основанной наукѣ. Назвать ее «политическою экономіею», они дѣлали это совершенно сознательно, ибо, по ихъ взгляду, она вполне заслуживала подобнаго названія. Такъ для Мерсе де ля Ривьера она была «наукою естественнаго и существаго порядка человеческого общества», для Дюпонъ де Немура она была «физиократіею», или господствомъ естественнаго порядка вещей, для маркиза Баденскаго «наукою о жизни человеческой», словомъ для нихъ это было не простое собраніе правилъ и предписаній искусства, но наука, излагающая естественные законы, господствующіе въ организаціяхъ человеческихъ обществъ. Такимъ образомъ, взглядъ физиократовъ на политическую экономію былъ весьма широкъ. Эта новая наука касалась у нихъ не только одного богатства, не только дѣятельности, направленной на вѣншній вещественный міръ, но обнимала собою весь общественный порядокъ, не исключая политическаго, стремилась открыть общественные законы, опредѣляющіе соотношеніе всѣхъ видовъ народной дѣятельности въ ихъ взаимодействіи, не исключая и правительственной.

Въ такомъ обширномъ смыслѣ названіе экономіи было перенесено на англійскую и нѣмецкую почву и было употреблено Фергюсономъ въ его исторіи гражданскихъ обществъ, Стиуртомъ въ его изслѣдованіяхъ о политической экономіи, Соденомъ въ его національной экономіи, въ которой онъ касается не только матеріальныхъ интересовъ народа, земледѣлія, мануфактуръ и торговли, но и умственнаго и политическаго развитія націй.

Впрочемъ, хотя физиократы весьма хорошо поняли тѣсную связь, существующую между различными отраслями общественной дѣятельности, или лучше сказать, тождество этой дѣятельности, какова бы она ни была въ ея различныхъ проявленіяхъ, тѣмъ не менѣе въ своихъ сочиненіяхъ они занимались исключительно однимъ видомъ промышленной дѣятельности; да и въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, при постройкѣ своей системы, надѣлали много важныхъ и неизбежныхъ ошибокъ, которыя значительно повредили ихъ преобразовательнымъ попыткамъ и ослабили значеніе ихъ трудовъ. Но при всемъ томъ, какъ бы ни была велика ихъ ошибка, какъ бы ни были односторонни ихъ принципы и несостоятельны теоріи, тѣмъ не менѣе нельзя не признать той несомнѣнной заслуги, что, исходя изъ общихъ философскихъ началъ, они съ необыкновеннымъ спекулятивнымъ могуществомъ открыли область явленій и задачу экономической науки, впервые ясно сознавъ, что въ экономическомъ развитіи обществъ, независимо отъ правительственнаго искусства, существуетъ порядокъ фактовъ и идей, который безповоротно можетъ сдѣлаться достояніемъ новой науки и доставить богатый матеріалъ для дѣятельности человеческого разума.

Широкое, и въ сущности правильное, пониманіе за-

дачи экономической науки, указанное физиократами, удержалось не долго. Начавши съ обширнаго изученія всей общественной системы, она не замедлила превратиться въ трудахъ послѣдующихъ экономистовъ въ науку, касающуюся исключительно вещественнаго богатства. Поводомъ къ этому послужило отчасти сочиненіе Адама Смита, но главнымъ образомъ труды нѣкоторыхъ послѣдователей его.

Въ противоположность физиократамъ, полагавшимъ, что единственный источникъ богатства заключается въ землѣ, Адамъ Смитъ впервые указалъ, что богатство есть плодъ человеческого труда, что оно не имѣетъ другаго производительнаго элемента и такимъ образомъ разсвѣялъ мракъ, скрывавшій истину отъ самыхъ провидательныхъ взоровъ. Благодаря его открытію, богатство перестало быть благомъ, которое, какъ часто утверждали прежде, можно было увеличить только на счетъ другихъ, оно начало представляться въ своемъ истинномъ видѣ, какъ созданіе человека, способное къ непрерывному возрастанію, предназначенное къ увеличенію и распространенію по мѣрѣ того, какъ общества научались употреблять болѣе искусства и ловкости въ пользованіи своими производительными способностями. Но, указавъ такимъ образомъ на ошибку физиократовъ, установивъ науку на болѣе истинныхъ началахъ, Адамъ Смитъ, къ сожалѣнію, зашелъ слишкомъ далеко въ своей реакціи противъ физиократовъ и, вмѣсто того, чтобы ограничиться опроверженіемъ крайнихъ и ошибочныхъ воззрѣній ихъ, отвергнувъ самый духъ ихъ нѣслѣдовацій, находившійся въ полной гармоніи съ новымъ научнымъ направленіемъ экономического изученія и, по отношенію къ формуламъ и названіямъ, возвратился къ ошибочнымъ воззрѣніямъ ихъ предшественниковъ.

Это прежде всего отразилось въ его взглядѣ на задачу политической экономіи, взглядѣ, проявляющемся отча-

сти въ самомъ заглавіи его сочиненія и способѣ его изложенія, но главнымъ образомъ высказывающемся въ самомъ опредѣленіи политической экономіи. «Политическая экономія, говоритъ онъ въ 4-й книгѣ своего труда, разсматривается, какъ отрасль знанія государственнаго человека или законодателя, имѣеть двойную цѣль: во-первыхъ, доставить народу хороший доходъ, то есть обильныя средства для жизни или, лучше сказать, поставить народъ въ такое положеніе, чтобы онъ самъ могъ добывать ихъ; и во-вторыхъ, доставить государству или обществу доходъ достаточный для удовлетворенія государственныхъ издержекъ; словомъ, обогатить въ одно и тоже время народъ и государство».

Сколько можно судить по этому опредѣленію, политическая экономія представлялась Адаму Смиту въ сущности не столько наукою, сколько искусствомъ, собраніемъ извѣстныхъ правилъ и предписаній, съ которыми долженъ сообразоваться законодатель или администраторъ для достиженія извѣстной цѣли. Нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи, Адамъ Смитъ находился еще подъ вліяніемъ того господствовавшего предрасудка, на основаніи котораго предполагали, что обязанность экономиста заключается въ томъ, чтобы предписывать рецепты, правила годныя для обогащенія народа. Подчиняясь этому предрасудку, Адамъ Смитъ, хотя въ сущности и понималъ политическую экономію, какъ науку, излагающую промышленность въ ея естественномъ, самобытномъ образованіи, изслѣдующую общіе законы развитія богатствъ, — тѣмъ не менѣе считалъ своею обязанностью предложить свою систему, свой способъ обогащенія народа, съ тою только существенною разницею отъ предшествовавшихъ экономическихъ писателей, что его система, его искусство, заключалось въ томъ, чтобы не употреблять никакого способа, такъ какъ, вмѣстѣ

съ физиократами, онъ отвергалъ правительственное вмешательство въ дѣло частныхъ экономическихъ интересовъ и предоставлялъ всѣ заботы обогащенія народовъ, свободной частной предприимчивости отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ, становясь на новую научную точку зрѣнія, онъ однако удерживаетъ старинную форму и постоянно прибѣгаетъ къ формуламъ и оборотамъ прежнихъ писателей, стремившихся создать только искусство. Человѣкъ науки, преданный изученію естественныхъ явленій, онъ на каждомъ шагѣ выражаетъ уроки и предписанія, хотя они большею частію и стремятся доказать всю тщету и ошибочность тѣхъ мѣръ, которыя принимались въ прежнее время администраторами и законодателями съ цѣлью наполненія государственной казны и подъ предлогомъ покровительства народной промышленности.

Но къ этой первой ошибкѣ бессмертнаго шотландца присоединялась еще другая, быть можетъ и неизбежная, вслѣдствіе условий развитія, тѣмъ не менѣ существенно важная по своему влиянію на дальнѣйшій ходъ политической экономіи, именно — *вещественность* богатства.

Опровергнувъ ошибочное воззрѣніе физиократовъ, что будто бы только одинъ земледѣльческій трудъ производителенъ, указавъ, что производительнымъ трудомъ слѣдуетъ называть всѣ труды, направленные на производство богатствъ, Адамъ Смитъ, къ сожалѣнію, подъ влияніемъ ошибочнаго взгляда сенсуалистической философіи XVIII вѣка, видѣвшей главное существенное условіе народнаго благосостоянія въ томъ, что служить къ удовлетворенію физическихъ нуждъ человѣка, сдѣлалъ неправильное опредѣленіе богатства, подразумѣвая подъ нимъ только тѣ *вещественные предметы, которые подлежатъ обмѣну и могутъ быть сохранены*. Соответственно такому узкому пониманію слова богатство, онъ сдѣлалъ опредѣленіе производителъ-

наго труда, понимая подъ нимъ только тотъ трудъ, который содѣйствуетъ производству вещественныхъ богатствъ, матеріальныхъ цѣнностей. Всѣ же прочія человѣческія занятія, направленные не на производство вещей, а на лица, на производство невещественныхъ благъ, считалъ, хотя и полезными, но непроизводительными въ экономическомъ смыслѣ слова, не только не увеличивающими народнаго богатства, но уменьшающими его на всю сумму, которая идетъ на содержаніе ихъ. Въ числѣ этихъ непроизводительныхъ занятій, Смитъ отнесъ не только различныя незначительныя занятія пѣвцовъ, танцовщицъ, слугъ и т. д., но также и всѣ личныя услуги, оказываемыя государствомъ, духовенствомъ, медіками, учеными, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, по его мнѣнію, трудъ не воплощался ни въ какомъ долговѣчномъ произведеніи и неоставлялъ послѣ себя никакой мѣрною цѣнности.

Такое ошибочное воззрѣніе Адама Смита на производительность труда, основанное на неправильномъ пониманіи богатства, какъ совокупности вещественныхъ предметовъ, обладающихъ мѣрною цѣнностію, опредѣлило на долго ходъ дальнѣйшаго развитія политической экономіи. Съ этого момента установилось мнѣніе, что политическая экономія есть наука, которая касается только дѣятельности человѣка, направленной на производство различнаго рода вещественныхъ предметовъ, матеріальныхъ цѣнностей, исключительно остающихся на матеріальныхъ потребностяхъ народовъ, словомъ, что эта наука изучаетъ законы общественныхъ явленій съ единственною цѣлью извлечь изъ нихъ тѣ начала, по которымъ создается и разрушается народное богатство въ тѣсномъ смыслѣ слова, то есть, исключительно понимаемое въ смыслѣ вещественнаго богатства. Хотя многіе послѣдующіе писатели, между прочимъ переводчикъ и комментаторъ Смита, Жермень Гар-

ние, Лодердаль и другие возражали против такого взгляда, хотя Ж. Б. Сэй, Шторхъ, Сениоръ и Дюноае и показали, что человекъ не можетъ создать ни одного атома вещества, что вещество всецѣло дается природою, что вся сущность производства богатствъ заключается въ измѣненіи мѣста или формы предметовъ, дѣлающихъ ихъ болѣе годными для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, или, говоря иначе, въ созданіи полезности и цѣнности, словомъ, что сущность производства заключается не въ созданіи вещества, а въ трудѣ, направленномъ на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей; тѣмъ не менѣе мысль о томъ, что политическая экономія должна исключительно заниматься вещественнымъ богатствомъ, надолго установилась въ наукѣ, приобрѣла себѣ многочисленныхъ послѣдователей и образовала дѣлую школу, доселѣ еще преобладающую въ наукѣ.

Для послѣдователей этой школы, которую обыкновенно называютъ англійскою промышленною школою и къ числу которой принадлежатъ между прочимъ Мальтусъ, Рикардо, Ж. Б. Сэй, въ своемъ первомъ трудѣ *Traité de l'Économie politique*, Джонъ Стюартъ Милль, Шербиуле, Россин, Курсель-Сенейль, Рау, Лоренцъ Штейль и другие;—для послѣдователей этой школы, по видимому, кажется несомнѣннымъ, что предметомъ изученія политической экономіи должно служить исключительно богатство, понимаемое въ вещественномъ смыслѣ слова. Они полагаютъ вмѣстѣ съ Смитомъ, что политическая экономія должна изучать природу и причины богатства, или вмѣстѣ съ Сэемъ, — условія производства, распредѣленія и употребленія богатствъ, или, говоря наконецъ обще, различнаго рода явленія, относящіяся къ природѣ богатства, къ причинамъ и условіямъ его возрастанія и уменьшенія. По ихъ понятію, такого рода явленія представляютъ собою совершенно своеобраз-

разную область общественныхъ явленій, область, которая нисколько не смѣшивается ни съ какою другою областю или порядкомъ явленій, и которая, по этому имѣетъ полное право составить предметъ особаго изслѣдованія самостоятельной науки. Такъ, одинъ изъ наиболее замѣчательныхъ современныхъ представителей этого направленія, Джонъ Стюартъ Милль, въ своей *Логикѣ*, слѣдующимъ образомъ указываетъ на задачу политико-экономической науки: «Политическая экономія, говоритъ онъ, занимается общественными явленіями, вытекающими изъ желанія приобрести богатство. Она дѣлаетъ полную абстракцію отъ всѣхъ другихъ человѣческихъ страстей и побужденій за исключеніемъ тѣхъ, которыя можно считать какъ бы неразрывно связанными съ этимъ преслѣдованіемъ, именно съ отвращеніемъ къ труду и желаніемъ непосредственныхъ удовольствій, цѣнныхъ наслажденій. Политическая экономія разсматриваетъ человечество, какъ исключительно стремящееся къ созданію и потребленію богатствъ и полагаетъ себѣ задачею показать, какому пути послѣдуетъ человѣческая дѣятельность, если это стремленіе не встрѣтитъ другаго препятствія, кроме двухъ вышеупомянутыхъ противоположныхъ наклонностей. Она показываетъ, какъ люди, подъ вліяніемъ этого стремленія, накопляютъ богатства и употребляютъ ихъ для производства другихъ богатствъ, какъ они осваиваютъ, по взаимному согласію, учрежденіе собственности, устанавливаютъ законы, препятствующіе однимъ недѣльнымъ силою или хитростью захватывать собственности другихъ, какъ они принимаютъ различныя средства для увеличенія производительности труда, устраиваютъ, по соглашенію, распредѣленіе продуктовъ при содѣйствіи соперничества, какъ употребляютъ извѣстныя средства (монету, кредитъ и проч.) для облегченія распредѣленія. Всѣ эти дѣйствія, хотя нѣкоторые изъ

ныхъ въ дѣйствительности и составляютъ результатъ множества побужденій, тѣмъ не менѣе политическая экономія рассматриваетъ ихъ, какъ исключительно протекающія изъ одной жажды богатства. Затѣмъ, приступая къ изслѣдованію законовъ, управляющихъ различнаго рода дѣйствіями, наука эта исходитъ изъ того предположенія, что человѣкъ есть существо, которое, по необходимости своей природы, предпочитаетъ большую массу богатства меньшей во всѣхъ случаяхъ, кромѣ опредѣляемыхъ двумя вышеказанными противоположными побужденіями: отвращеніемъ къ труду и желаніемъ непосредственнаго пользованія цѣнными удовольствіями. Это не потому, чтобы какой либо политико-экономъ былъ на столько нечестъ, чтобы предполагать будто бы дѣйствительно такъ устроена человеческая природа, но потому, что таковъ именно долженъ быть путь, по которому необходимо должна идти наука въ своихъ изслѣдованіяхъ. Если какое либо дѣйствіе зависитъ отъ совокупности причинъ, то эти причины должны быть изучены одна за другою, и ихъ законы должны быть изслѣдованы отдѣльно, если мы желаемъ посредствомъ причинъ получить возможность предсказать или констатировать дѣйствіе, такъ какъ законъ дѣйствія слѣдуетъ изъ законовъ дѣйствія всѣхъ причинъ его производящихъ... По этому, желая судить, какъ будетъ дѣйствовать человѣкъ въ обществѣ, при томъ разнообразіи желаній и отвращеній, которыя совокупно на него вліяютъ, мы должны знать, какъ человѣкъ дѣйствовалъ бы подъ исключительнымъ вліаніемъ каждаго изъ нихъ въ частности, не смотря на то, что можетъ быть въ жизни человѣка нѣтъ ни одного дѣйствія, при которомъ бы онъ не имѣлъ непосредственнымъ или отдаленнымъ вліаніемъ другихъ побужденій, а не одно только желаніе богатства. Въ отношеніи къ тѣмъ частямъ человеческого образа дѣйствій, главную цѣль ко-

торыхъ не составляетъ богатство, политическая экономія не должна считать своихъ заключеній, имѣющими силу. Но есть известныя области человеческихъ дѣйствій, въ которыхъ пріобрѣтеніе богатства есть главная и признанная цѣль и только ихъ политическая экономія и имѣть въ виду.

Таковъ взглядъ, который установился на политическую экономію подъ вліаніемъ исторической необходимости развитія этой науки. Легко понять разницу, которая существуетъ между этимъ новымъ возрѣніемъ на задачу экономического изученія и тѣмъ взглядомъ, котораго придерживались физиократы. Въ то время, какъ для послѣднихъ политическая экономія представлялась нравственною, человеческою и общественною наукою, которая касалась совокупности всѣхъ общественныхъ явленій, рассматривала, съ свойственной ей точки зрѣнія, совокупность всѣхъ трудовъ, прямо или косвенно содѣйствующихъ обогащенію общества и слѣдовательно наукою, окончателно стремившеюся къ осуществленію справедливости и благосостоянія; наукою, для которой богатство являлось только простымъ способомъ, орудіемъ для достиженія цѣли; — напротивъ, для англійской промышленной школы, понимающей промышленность въ тѣсномъ смыслѣ слова, существеннымъ предметомъ политико-экономическихъ изслѣдованій сдѣлалось вещественное богатство, производство матеріальныхъ цѣнностей и такимъ образомъ на первый планъ выдвинулся не человеческій фактъ, но продуктъ матеріальный, который такимъ образомъ изъ простаго способа, орудія для достиженія другихъ болѣе высокихъ цѣлей, сдѣлался самъ по себѣ цѣлью, отодвинувъ человѣка на второй планъ.

Неудивительно, что первымъ результатомъ такого новаго взгляда на предметъ и задачу политической экономіи было то, что для послѣдователей этого взгляда, названіе

политической экономии, данное наукъ физиократами, перестало удовлетворять сущности ихъ изслѣдованій и оказалось для нихъ несостоятельнымъ. Слово экономія, по происхожденію своему отъ словъ *oikos* и *nomos*, напоминаетъ собою идею права, закона, порядка, известнаго устройства расположенія частей въ виду известной цѣли, словомъ въ-че цѣльное, систематическое, какъ въ философскомъ, такъ и нравственномъ порядкѣ. Въ такомъ смыслѣ говорить: экономія тѣла, экономія жизни, экономія системы, рынковъ и т. д. Такъ напр. экономія человеческого тѣла означаетъ способъ, въ которомъ все устроено для проявленія и развитія человеческихъ силъ. А потому, несомнѣнно, что и приложенное къ обществу, названіе это должно выражать порядокъ, на основаніи котораго въ обществѣ все устроено для проявленія или развитія общественныхъ силъ. Очевидно, что въ наука, желющая носить названіе политической экономіи, должна ограничиваться знаніемъ не только какого либо одного рода специальнаго искусства или части искусствъ, но необходимо должна обнимать собою знаніе всѣхъ способствъ и силъ, входящихъ въ экономію общества, говоря иначе, должна стремиться извѣдать природу, связь, вліяніе, взаимную зависимость всѣхъ общественныхъ трудовъ и условий, отъ которыхъ зависитъ ихъ успешное развитіе.

Но такое понятіе, очевидно, было слишкомъ широко для науки, которая, по мнѣнію англійской школы, должна заниматься только вещественнымъ богатствомъ, а слѣдственно исключительно тѣми трудами, которые непосредственно направлены на производство вещественныхъ благъ. Этими объясняется, почему названіе политической экономіи показалось послѣдователямъ этого взгляда не вполне соответствующимъ внутреннему содержанию науки и побудило ихъ къ отысканію новаго термина, болѣе соответствующаго сущности науки, что и привело къ изобрѣтенію

названій въ родѣ хрестатистики, хризологии, плутологій, паутономіи и нѣкоторыхъ другихъ, въ основѣ которыхъ главнымъ образомъ лежитъ понятіе о богатствѣ.

Но пора обратить вниманіе на то, дѣйствительно ли можно считать такое опредѣленіе экономической науки вполне удовлетворительнымъ, вполне соответствующимъ сущности предмета и вѣрно обозначающимъ предѣлы его? Дѣйствительно ли богатство, понимаемое въ вещественномъ смыслѣ, можетъ составлять единственный предметъ изученія политической экономіи, можетъ дать ей возможность существованія въ качествѣ науки самостоятельной и независимой отъ другихъ областей человеческого знанія?

Но стоить только нѣсколько подробно и тщательно изучить большинство экономическихъ сочиненій, а также внимательно углубиться въ смыслъ и значеніе этого понятія, чтобы вполне убедиться, что идея богатства, понимаемая въ тѣсномъ смыслѣ вещественнаго богатства, не только не соответствуетъ содержанию большей части экономическихъ сочиненій, но въ тоже время представляетъ собою идею, которую едва ли можно поставить въ главѣ какой либо отдѣльной самостоятельной науки, понимая науку въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Дѣйствительно, что такое вещественное богатство? Какого рода факты и явленія заключаетъ оно въ себѣ, какъ далеко оно простирается? Отвѣтить на эти вопросы далеко не такъ легко, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. По мнѣнію Адама Смита, какъ мы видали, подъ богатствомъ слѣдуетъ разумѣть только тѣ *вещественные предметы, которые подлежатъ обмѣну и могутъ быть сохранены*. Но это мнѣніе видоизмѣняется уже у Ж. Б. Сел, который подъ богатствомъ разумѣетъ понятіе по видимому болѣе широкое. Такъ, въ самомъ началѣ своего *Traité d'économie politique*, онъ говоритъ, что существуютъ

два рода богатствъ: одни *естественныя*, то есть такія, которыя человекъ получаетъ отъ одной природы, не будучи обязанъ производить ихъ, и которыя не входятъ въ оборотъ мѣны, такъ какъ природа расточаетъ ихъ всѣмъ; другія же — *промышленныя* или *общественныя* богатства, которыя исключительно составляютъ предметъ политико-экономическихъ изслѣдованій. Но здѣсь является недоумѣніе, къ чему подобное различіе, если только опредѣленіе вѣрно? Почему наука и богатство должны ограничиваться богатствомъ промышленнымъ и отказаться отъ изучения богатствъ естественныхъ? Развѣ то богатство, которое даетъ намъ природа даромъ и расточаетъ всѣмъ, менѣе дѣйствительно или менѣе драгоцѣнно, нежели другое? Почему политическая экономія не должна имѣть его въ виду? Неудивительно, что нѣкоторые экономисты, между прочими Росси, громко протестовали противъ подобнаго способа воззрѣнія. Они полагали, что естественныя богатства, полезность вещей, или то, что они называли потребительною цѣнностью, составляетъ само по себѣ фактъ слишкомъ значительный, слишкомъ важный, чтобы экономистъ не принималъ его въ расчетъ.

Въ этомъ возраженіи была своя доля истины. Несомнѣнно, что полезность вещей, ихъ потребительная цѣнность, составляетъ фактъ, которымъ нельзя пренебрегать. Такъ полезность, прежде всего, составляетъ основаніе мѣновой цѣнности. То, что не полезно ни для кого, не можетъ имѣть никакой цѣнности. Сверхъ того, полезность составляетъ главную двигающую силу и конечную цѣль всѣхъ человѣческихъ трудовъ, ибо люди трудятся только для того, чтобы приобрести полезное для нихъ, то есть, то, что удовлетворяетъ ихъ потребностямъ. Но, съ другой стороны, не менѣе справедливо и то, что полезность различнаго рода вещей, происходящая отъ состава, качества,

внутреннихъ и вѣшнихъ свойствъ, какъ она не интересна во многихъ отношеніяхъ, составляетъ фактъ, служащій предметомъ не однихъ политико-экономическихъ изслѣдованій, но главнымъ образомъ предметъ изслѣдованія различныхъ естественныхъ наукъ въ ихъ прикладныхъ отрасляхъ. Что же касается до экономической точки изслѣдованія, то она разсматриваетъ полезность только съ одной спеціальной точки зрѣнія труда, промышленности, человѣческихъ усилій, или, говоря иначе, съ точки зрѣнія цѣнности и цѣны.

Но очевидно, что политическая экономія, понимаемая въ такомъ смыслѣ, не есть наука о вещественномъ богатствѣ. Съ одной стороны это слово, понимаемое даже въ смыслѣ вещественнаго богатства, обладающаго мѣнвою цѣнностью, все таки слишкомъ обширно для опредѣленія политической экономіи, ибо заключаетъ въ себѣ понятіе вещества, понятіе слишкомъ широкое, представляющее различнаго рода составныя части и силы, служащія предметомъ изученія различныхъ другихъ наукъ; съ другой стороны оно недостаточно и узко, ибо, вмѣсто того, чтобы указывать на главную причину, на существенный предметъ экономическихъ изслѣдованій, оно указываетъ на второстепенный предметъ науки, на результатъ, произведеніе, не указывая причины его, не указывая силы, производящей его. Дѣйствительно, что такое вещественное богатство? Какъ бы мы не понимали его, въ смыслѣ Сміта или Сэя, во всякомъ случаѣ оно составляетъ или плодъ щедрости природы или результатъ человѣческаго труда, результатъ, которымъ остается только пользоваться и который едва ли можетъ служить предметомъ науки, исключительно ограничивающейся абстрактнымъ изученіемъ явленій богатства. Строго говоря можно представить себѣ еще рядъ искусствъ, занимающихся созданіемъ богатства,

напр. искусство горное, земледельческое, торговое, архитектурное, инженерное, корабельное; но нельзя себя представлять общественной наукой, которая предается бы исключительно изучению и анализу подобного факта. Что может наука изучать в вещественном богатстве? Самый ли факт, результат, проявляющийся в различного рода вещественных предметах, или способы употребляемые для производства их? Если самый факт, то необходимо ограничиться анализом элементов, из которых состоит богатство — вещества, но, очевидно, что в таком случае она перестает быть наукою общественною, касающеюся человека и превращается в науку естественную, занимающуюся изучением различного рода свойств и сил вещества; если же она будет изучать способы производства отдельных видов богатств: земледельческих продуктов, мануфактурных товаров, и т. д., то очевидно это также составляет предмет различного рода прикладных, технических наук и никоим образом не может служить предметом изучения политической экономии, как самостоятельной науки.

Но дело в том, что все эти недоразумения порождаются единственно ошибочным определением политической экономии. В сущности же достаточно некоторого знакомства с содержанием экономических сочинений для того, чтобы знать, что действительный предмет этих исследований не вещество, не богатство в его вещественном смысле, не технические способы, посредством которых оно производится, но человеческий труд, человеческая деятельность или промышленность, направленная на удовлетворение его потребностей, или, говоря иначе, те общественные отношения, которые возникают из деятельности человека, направленной на приобретение различного рода вещей, необходимых для удовле-

творения его разнообразных потребностей в тех случаях, когда природа не дает их в достаточном количестве. Такого рода явления совершенно иного характера; они представляют собою общественный факт весьма важный, имеющий огромное влияние на человеческую жизнь, вполне заслуживающий внимания общественного исследователя, представляющий богатый материал для обширного ряда наблюдений.

Такая образом определение политической экономии, как науки о вещественном богатстве, в каком бы смысле оно не понималось, далеко не может считаться удовлетворительным и окончательным, ибо, представляя само по себе понятие не совсем ясное, дающее смутную мысль о предмете изучения экономической науки, оно в то же время указывает на второстепенный предмет исследования и допускает спор, не только относительно самой природы науки, но также и относительно предмета и предмета целей, подлежащих изучению экономиста.

В числе доказательств в пользу этого определения приводить обыкновенно то обстоятельство, что, сводя науку к изучению этого простого результата: — вещественного богатства, значительно упрощают ее, ограничивают область ее определенными границами, именно изучением человеческой деятельности, направленной на материальный мир и таким образом, освобождая ее от изучения различных трудов, направленных на лица, предохраняют ее от смешения с другими общественными науками, с моралью, правом и политикою и препятствуют ей превратиться в род энциклопедии, в род всеобщей науки.

Но легко убедиться, что подобного рода довод оказывает полное отсутствие скольконибудь определенного понятия о том, что собственно составляет особенный ха-

рактерь и настоящую специальность политической экономии. Совершенно ошибочно предполагать, что въ этой наукѣ дѣло идетъ о земледѣльческой, мануфактурной или торговомъ промыслѣ болѣе, нежели о какомъ либо другомъ. Хорошій трактатъ политической экономии не есть трактатъ агрономіи, технологіи или коммерціи, точно также какъ не есть трактатъ эстетики, морали или политики. Въ экономической наукѣ дѣло идетъ не о какомъ либо отдѣльномъ промыслѣ или искусствѣ въ частности, но о томъ, что въ нихъ во всѣхъ существуетъ общаго съ самою экономіею общества. Ея специальный и настоящий предметъ заключается въ томъ, чтобы точно знать, въ чемъ состоитъ эта экономія, какими образомъ входятъ въ нее всѣ промыслы, какую роль они играютъ, какое вліяніе оказываютъ другъ на друга, съ какими условіями сопряжено ихъ могущество и процвѣтаніе; по этому очевидно, что о ней тогда только имѣютъ достаточно правильное и полное понятіе, когда могутъ сказать о всѣхъ промыслахъ и искусствахъ, какое мѣсто занимаетъ каждое изъ нихъ, какое полезное содѣйствіе оно приноситъ всѣмъ другимъ и какую помощь взаимно получаютъ отъ нихъ.

Но, съ другой стороны, стоить только вѣсколько взглянуть въ сущность этого опредѣленія, чтобы убѣдиться, что, даже ставшая на эту одностороннюю точку зрѣнія богатства вещественнаго, съ цѣлью упрощенія науки и ограниченія области ея исключительно промыслами, направленными на вещественный міръ, несколько не достигаютъ предполагаемой цѣли и не уничтожаютъ необходимости для науки распространять свои изслѣдованія на всѣ отрасли общественнаго труда, безъ исключенія.

Такъ, наприимѣръ, идетъ ли дѣло о производствѣ богатствъ, желаютъ ли экономисты изучать причины богатства и, по необходимости, они прежде всего должны искать

ихъ въ трудѣ. Но ясно, что нельзя понять этого вопроса, не рѣшивъ рѣшчего зависить большая или меньшая производительная сила и могущество труда. Но въ чемъ иномъ можетъ заключаться эта сила, какъ не въ духѣ, одушевляющемъ отдѣльныя лица, какъ не въ естественныхъ силахъ, находящихся въ пользованіи челоуѣка, какъ не въ общественномъ порядкѣ, оплодотворяющемъ дѣятельность, или, говоря иначе, въ чемъ иномъ какъ не въ физическомъ здоровьи и бодрости, какъ не въ религіи и нравственности, не въ знаніи и наукѣ, не въ обычаяхъ справедливости, безопасности личности и собственности, а слѣдовательно въ искусствахъ и промыслахъ, непосредственно дѣйствующихъ и управляющихъ развитіемъ этихъ качествъ?

Едва ли стоить въ настоящую минуту доказывать, что дѣйствительно въ этихъ способностяхъ главнымъ образомъ и заключаются самыя существенныя и главныя причины богатства. Кто рѣшится не признать, что для промышленнаго челоуѣка необходима извѣстная степень ловкости, силы и здоровья, что для него необходимы также извѣстный вкусъ, нѣкоторое артистическое чувство, что онъ черпаетъ въ наукахъ принципы своихъ лучшихъ открытій, что онъ нуждается въ порядкѣ, бережливости, предусмотрительности, что наконецъ онъ необходимо долженъ рассчитывать на возможность безпреступнаго и спокойнаго занятія своею дѣятельностью, на возможность не прикосновеннаго пользованія плодами своего труда. А если это такъ, то очевидно, нельзя опровергать и того, что для производства богатствъ имѣютъ важное значеніе искусства и промыслы, не только направленные на вещи, но также и на челоуѣка, на сохраненіе и поддержаніе его физическаго здоровья, на образованіе его воображенія, на развитіе его разума, на улучшеніе его нравственности, наконецъ промыслы, обеспечивающіе укорененіе у гражд-

дать добрыхъ привычекъ общественной жизни, утверждающіе господство справедливости во взаимныхъ отношеніяхъ.

Такии образы, очевидно, даже ограниченная область политико-экономическихъ изученій исключительно предѣлами вещественнаго богатства, необходимо бываетъ для полнаго разъясненія этого понятія обращаться къ изученію не только дѣятельности, направленной непосредственно на производство вещественныхъ богатствъ, но также и другихъ отраслей, главнымъ образомъ направленныхъ на людей. Но, понятно, что тѣмъ болѣе должно заниматься ими, когда принимая слово экономія общества въ его истинномъ и полномъ значеніи, желаютъ опредѣлить не только, какъ народъ становится богатымъ, но каковыми законамъ онъ успѣваетъ съ болѣею свободою и успѣхомъ исполнять всѣ функціи, посредствомъ которыхъ люди достигаютъ до пользованія своими силами съ наибольшаго могуществомъ, легкостью, обширностью, возвышенностью и полнотою. И дѣйствительно, стоить только вѣсколько вникнуть въ этотъ предметъ, чтобы увидѣть, что всѣ труды, какъ направленные на вещи, такъ и на лица, прямо или косвенно нѣютъ своимъ послѣдствіемъ не только обогащеніе общества, но одновременно содѣйствуютъ развитію нравственности, образованія, справедливости. Политическая экономія, безъ сомнѣнія, можетъ разсматривать эти труды съ различныхъ точекъ зрѣнія, съ точки зрѣнія богатства, точно также, какъ и съ точки зрѣнія другихъ великихъ результатовъ, производимыхъ ими, которые въ переводномъ смыслѣ могутъ быть также разсматриваемы, какъ богатства; но съ какой бы точки зрѣнія, она не разсматривала ихъ, она не можетъ пренебречь ни одной изъ нихъ, и по необходимости должна заниматься всѣми, обобщая такии образы предметъ своихъ изслѣдованій.

И дѣйствительно, если мы обратимъ вниманіе на содержаніе большинства трудовъ различныхъ экономистовъ даже тѣхъ, которые, по видимому, понимаютъ политическую экономію, какъ науку о вещественномъ богатствѣ, то вполнѣ убѣдимся, что они далеко не остаются вѣрными и послѣдовательными своему опредѣленію, во постоянно уклоняются отъ своего узкаго взгляда на экономическую науку и вносятъ въ нее несравненно болѣе обширное содержаніе.

Тѣмъ самъ Адамъ Смитъ, этотъ Вѣнокъ политической экономіи, хотя и назвалъ свое сочиненіе опытомъ изслѣдованія о природѣ и причинахъ народнаго богатства, хотя и сдѣлалъ ошибку въ общемъ опредѣленіи понятія о производительномъ трудѣ, вслѣдствіе которой считалъ неприводительнымъ трудъ, направленный на людей; тѣмъ не менѣе въ своемъ сочиненіи далеко не былъ одностороненъ и, вѣрныи фактамъ, не ограничиваясь изученіемъ одного вещественнаго богатства, касаясь не только земледѣльской, мануфактурной и торговой промышленности, но не затруднился признать за политическою экономіею право заниматься причинами, которыя вліяя на разумъ и волю человѣка, сообщаютъ труду болѣе энергии и успѣшности, и потому захватывала всѣ стороны общественнаго организма, касаясь также значенія педагогической, религіозной, юридической и государственной дѣятельности. Такъ, разсматривая и излагая различные экономическіе законы, онъ не ограничивается приложеніемъ этихъ законовъ къ однимъ только сферамъ матеріальной дѣятельности, но постоянно показываетъ примѣнимость ихъ также и къ сферамъ дѣятельности нематеріальной. Говоря напр. о раздѣленіи труда, онъ останавливается на этомъ принципѣ, какъ необходимомъ условіи производительности не только промышленной, но и ученой дѣятельности, или, перечисляя

предметы, входящие въ составъ постоянного капитала, онъ относитъ къ нимъ полезныя званія и способности, приобретаемыя людьми и полагаетъ, что эти чисто духовныя качества составляютъ часть ихъ имущества также, какъ и часть имущества народа, къ которому принадлежатъ люди, обладающие ими. Но, независимо отъ этихъ примѣровъ, можно положительно сказать, что почти каждая страница его книги, въ особенности же тѣ, гдѣ онъ трактуетъ о ходѣ и прогрессѣ благосостоянія у различныхъ народовъ, свидѣтельствуютъ, что онъ смотрѣлъ на предметъ политико-экономическихъ изслѣдованій съ весьма широкой точки зрѣнія.

Непоследовательность, проявившаяся въ произведеніи знаменитѣйшаго представителя экономической науки, повторилась также и у многихъ другихъ экономистовъ. Такъ Ж. В. Сэй, который въ своемъ первоначальномъ трудѣ «Traité d'économie politique», опредѣлялъ политическую экономію, какъ науку о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатствъ, въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ «Cours d'économie politique» признается, что такое опредѣленіе недостаточно и узко. «Предметъ политической экономіи, говоритъ онъ, былъ по видимому ограниченъ до сихъ поръ только познаніемъ законовъ, управляющихъ производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ богатствъ; такого рода взглядъ, по словамъ Сэя, господствовалъ и въ его сочиненіи Traité d'économie politique, изданномъ въ 1803 году, но изъ того же самаго сочиненія, прибавляетъ онъ, можно видѣть, что эта наука обнимаетъ собою всю общественную систему съ тѣхъ поръ, какъ было доказано, что нематеріальныя качества, какъ таланты и приобретаемыя личныя способности, составляють неотъемлемую составную часть общественныхъ богатствъ, и что услуги, оказываемыя въ самыхъ высочайшихъ должностяхъ, представляютъ аналогію съ

трудомъ самыхъ простыхъ рабочихъ, съ тѣхъ поръ какъ отношенія отдельныхъ лицъ къ обществу и тѣлу и обществу тѣла къ отдельнымъ лицамъ, а также ихъ взаимные интересы, были ясно установлены, политическая экономія, которая, казалось, имѣла своимъ предметомъ одно вещественное богатство, охватила собою всю общественную систему».

Такимъ образомъ Ж. В. Сэй, начавъ съ воззрѣнія на политическую экономію, какъ на науку о вещественномъ богатствѣ, приходитъ, послѣ долгаго изученія, къ сознанію, что она обнимаетъ собою всю общественную систему, вслѣдствіе чего полагаетъ даже, что ее правильнѣе можно называть общественною экономіею. Но, хотя онъ и признавалъ что невещественныя произведенія, какъ онъ ихъ называлъ, имѣютъ цѣнность, подобно другимъ продуктамъ, тѣмъ не менѣе оставились на полудорогѣ и, не вполне отрѣшившись отъ матеріалистическаго взгляда на экономическую цѣнность, началъ указывать, что эти продукты не владеящая ни въ чемъ, что ихъ невозможно накопить, что они ничего не прибавляютъ къ народному богатству, что даже невыгодно разноразнать ихъ, такъ какъ издержки, употребляемыя на нихъ, не производительны. Вслѣдствіе этого Ж. В. Сэй не въ состояніи былъ отдать полную справедливость услугамъ, направленнымъ на людей и пришелъ въ противорѣчіе съ собственными своимъ опредѣленіемъ производства богатствъ. Производить богатства, по его словамъ, значитъ создавать полезность въ предметахъ или способность служить къ удовлетворенію различныхъ потребностей людей, такъ какъ эта способность составляетъ первое основаніе цѣнности. Следовательно производство, заключаетъ Сэй, есть созданіе не матеріи, а полезности. На этомъ основаніи слѣдовало бы подъ производствомъ богатствъ разумѣть созданіе не однихъ вещественныхъ цѣн-

ностей, но всякаго рода полезных), хотя бы и не материальных услуг, служащих къ удовлетворенію потребностей и живущих цѣнностей, а между тѣмъ Ж. Б. Сэй, перечисляя различные виды производствъ, говоритъ только о земледѣліи, мануфактурной промышленности и торговлѣ, совершенно упуская изъ виду производство нравственныхъ и государственныхъ услугъ.

Но не только у вышеназванныхъ экономистовъ, точно также и у большинства позднѣйшихъ писателей, съ особеннымъ упованіемъ продолжающихъ держаться взгляда на политическую экономію исключительно какъ на науку объ однихъ вещественныхъ цѣностяхъ, мы постоянно находимъ ясно проглядывающее несомнѣнное призваніе необходимости расширенія задачи политико-экономической науки.

Такъ *Ray*, исключая изъ области экономическихъ исследованийъ невещественныя услуги, дѣлаетъ въ тоже время предметомъ этой науки народное имущество, въ понятіи о которомъ входитъ у него не только вещественное добро, но также физическія и духовныя способности людей; и сверхъ того, признаетъ, что народная жизнь есть организмъ, въ которомъ дѣятельность, направленная на созданіе материальнаго богатства, является только однимъ изъ отъправленій, и въ которомъ всѣ вѣтви материальнаго и нематериальнаго труда находятся въ непосредственномъ взаимодействіи, такъ что упадокъ каждой изъ нихъ нарушаетъ общественную жизнь. На этомъ основаніи *Ray* замѣчаетъ, что «хотя внутреннее и вѣншее добро по существу различны, тѣмъ не менѣе было бы поучительно представить *то и другое* съ общей точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что наука о материальномъ добрѣ на столько различна уже, что главныя основанія ея и способъ изложенія могли бы не безъ пользы быть перенесены на необработанное до сихъ поръ поле ученія о развитіи всего общества».

Точно также и *Дорениус Штейн* въ своемъ сочиненіи объ обществѣ говоритъ, что политическая экономія, т. е. ученіе о материальномъ добрѣ, отличается отъ ученія объ обществѣ не по своему предмету, и не по своей конечной цѣли, но только по своему предмету и вслѣдствіе за тѣмъ возмываетъ общность основныхъ законовъ для материальнаго и нематериальнаго развитія націй.

Подобнымъ образомъ *Курсель-Сенель*, который въ своемъ трактатѣ политической экономіи намѣтъ необходимымъ изучать политическую экономію, какъ плутологію, науку о вещественномъ богатствѣ, науку, по его мнѣнію, совершенно отличную отъ другой науки, трактующей о законахъ преусианія нематериальныхъ видовъ общественнаго труда, въ своихъ позднѣйшихъ статьяхъ: «*Les principes du droit*», и «*La science sociale et l'économie politique*» старается показать, что такое искусственное раздѣленіе произошло вслѣдствіе исторической необходимости постепеннаго изученія предмета и полагаетъ, что для политической экономіи приближается, если только уже не наступило время, когда она должна прійти къ окончательному занятію области, которую *Канз* и ученики его признали и прошлы, не успѣвъ окончательно завладѣть ею. «Сначала, говоритъ онъ, политическая экономія имѣла притязаніе охватить всю общественную науку, но потомъ, то какъ наука, то какъ искусство, она ограничилась специальнымъ предметомъ, то есть богатствомъ, и, предавшись съ терпѣніемъ и энергіею изученію этого specialнаго предмета, она начала дѣлать открытія, мало по малу расширилась, такъ что находится нынѣ въ положеніи, дающемъ ей право требовать занятія всей области, которую она, повидяному, оставила». Такимъ образомъ политическая экономія, въ качествѣ науки о вещественномъ богатствѣ, находится, по его мнѣнію, въ переходномъ состояніи, кото-

торое быть может продлится не долго и может привести ее къ смерти, но, по словамъ его, если она и погибнетъ, то смерть ея будетъ воскресеніемъ полнымъ величїемъ, ибо она появится уже подъ видомъ одной общей науки объ обществѣ. Вслѣдствіе такого взгляда онъ сомнѣвается, что при подобныхъ условїяхъ, нисколько не чувствуетъ сильнаго и принудительнаго побужденія подвизаться и уединить политическую экономію и хотя находить, что, при настоящемъ ея состоянїи, въ качествѣ науки о вещественномъ богатствѣ, она дѣлаетъ захваты у своихъ сосѣдокъ и работаетъ для науки, которая аскорѣ должна подготовить и ее самую, тѣмъ не менѣе онъ не видитъ въ этомъ никакого зла.

VI.

Предшествовавшее изложеніе показало намъ, что опредѣленіе политической экономїи, какъ науки о вещественномъ богатствѣ, далеко не даетъ яснаго понятїя ни о природѣ науки, ни о предѣлахъ ея, и что даже большинство тѣхъ писателей, которые придерживались этого опредѣленїя, далеко не могли удержаться въ предѣлахъ изученїя трудовъ, направленныхъ на производство вещественныхъ цѣнностей, и, подъ вліяніемъ необходимости, вытекавшей изъ самой сущности изучаемаго предмета, постоянно расширяли область своихъ изслѣдованїй и въ окончательномъ результатѣ неизвѣнно приходили къ болѣе или менѣе сознательной необходимости изучать человѣческую дѣятельность во взаимномъ соотношенїи всѣхъ ея сторонъ, какъ матеріальныхъ, такъ и нематеріальныхъ.

Но, къ сожалѣнію не всѣ экономисты слѣдовали этому благоразумному примѣру. Нѣкоторые изъ нихъ, строго придерживаясь узкаго опредѣленїя политической экономїи, не допускали въ область ея изслѣдованїй, въ число бо-

гатствъ, входящихъ въ экономическое общество, услугъ и результатовъ труда, направленныхъ на людей; совершенно неосновательно не признавая аналогіи этихъ результатовъ съ результатами труда, направленного на вещи и такимъ образомъ, исключая изъ области науки громадную массу индивидуальныхъ и общественныхъ полезностей и цѣнностей, отказывали ей въ правахъ, безъ которыхъ она вовсе не могла обойтись.

Вращаясь постоянно вокругъ абстракціи богатства, принимая за предметъ экономическихъ изслѣдованїй вещество, они начали стремиться образовать изъ политической экономїи совершенно независимую науку, поставленную въ совокупности знанїй, касающихся человѣка. Вслѣдствіе этого они отвергли всякую связь между политической экономїею и другими общественными науками, и начали разсматривать ее, какъ совершенно изолированное цѣлое, въ самомъ себѣ заключающее начало и конецъ. Въ такомъ смыслѣ понимали ее между прочими и Россїя, по мнѣнію котораго, наука о богатствѣ составляетъ сама по себѣ полное самостоятельное цѣлое, покоющееся на первоначальныхъ ей свойственныхъ началахъ, совершенно независимыхъ отъ прочихъ наукъ. Понимаемая въ такомъ видѣ, политическая экономїя не имѣетъ связи съ моралью; она можетъ прийти къ совершенно противоположнымъ выводамъ; необходимо только въ подобныхъ случаяхъ, чтобы результаты, добытые наукою о богатствѣ, на практикѣ исправлялись бы результатами, добытыми моралью. Замѣтимъ, мимоходомъ, что такое возрѣніе находилось въ связи съ тѣмъ метафизическимъ взглядомъ, на основанїи котораго идеи блага, справедливости и пользы, заключаясь въ нашъ духъ, какъ прожденные, независимы другъ отъ друга идеи, могутъ служить основанїемъ каждой изъ нихъ для особой спеціальной и абсолютной науки, совершенно изолированной въ своей сферѣ.

Но такое отъясненіе политической экономіи отъ морали и права, такое исключительное осужденіе ее на наученіе матеріальнаго богатства, матеріальныхъ сферъ труда, независимо отъ прочихъ сферъ дѣятельности религіозной, педагогической, художественной, ученой, государственной, такое насильственное разобщеніе того, что, по природѣ своей, необходимо должно быть связано, не могло обойтись безъ вредныхъ послѣдствій и необходимо должно было привести къ одностороннимъ неправильнымъ выводамъ, вердикто рѣзко противорѣчающимъ требованіямъ морали и права.

Исключительно преслѣдуя идею вещественнаго богатства, считая этотъ результатъ человѣческой дѣятельности окончательною цѣлью своихъ изысканій, писатели, придерживавшіеся такого односторонняго взгляда, вердикто совершенно забывали о томъ существѣ, которое составляетъ одновременно исходную причину и конечную цѣль всѣхъ экономическихъ дѣленій, а потому не обращали достаточнаго вниманія на условіа, необходимыя для успѣха его усилій и вердикто интересы абстрактнаго богатства предпочитали человѣческимъ интересамъ.

Неудивительно, что съ момента, когда политическая экономія пренебрегла законною цѣлью своихъ изысканій — благосостояніемъ возможно-большаго числа для вазоваго производства, — она добровольно подверглась возможности обмана и ошибки, ибо лишила себя единственнаго вѣрнаго правила, которое могло давать ей возможность различать истину отъ ошибки. Все то, что благоприятствовало производству богатствъ въ моментъ наблюденія, начало казаться въ глазахъ ея благомъ, вслѣдствіе чего она и начала видѣть общіе и благодѣтельные законы почти во всѣхъ временныхъ, переходныхъ случайностяхъ, болѣе или менѣе содѣйствующихъ созданію богатствъ.

Дѣйствительно, исходя исключительно изъ идея бо-

гатства, нельзя достигнуть цѣли, которая назначена для него, цѣли, которая заключается въ томъ, чтобы обезпечить благосостояніе человѣка, его физическое, нравственное и умственное развитіе. Такъ, будемъ ли мы разсматривать экономическіе вопросы по отношенію къ производству, распределенію или потребленію богатствъ, то, руководясь исключительно только идеєю богатства, непременно придемъ къ одностороннимъ, неправильнымъ выводамъ, несоотвѣствующимъ главной цѣли человѣческаго существованія. Вотъ что говоритъ по этому поводу французскій экономистъ Оттъ въ своемъ сочиненіи *Traité d'économie sociale*: «Человѣкъ, для того чтобы жить необходимо долженъ трудиться; но для того, чтобы трудиться, онъ долженъ войти въ соглашеніе съ другими людьми, иначе говоря, человѣкъ можетъ обезпечить свое существованіе только посредствомъ производства богатствъ, которое, въ свою очередь, возможно только въ обществѣ. Поэтому человѣкъ прежде всего долженъ задать себѣ вопросъ: каковы способы труда наиболее сообразные съ природою общества и законами или управляющими, т. е. съ природою разумаго и свободнаго существа, съ условіями равенства и братства, которыя должны связывать всѣхъ людей. Только разрѣшивши эту задачу, онъ можетъ искать какія образы, при исполненіи этого условія, трудъ его можетъ быть наиболее производительнъ. Если за исходную точку принять идею нравственную, человѣка и его дѣятельность, то логически весьма легко перейти къ разрѣшенію одной и другой изъ этихъ задачъ. Если же поставленъ вопросъ только о производствѣ богатствъ, то вся первая задача остается въ сторонѣ, или, что еще хуже, рѣшеніе ея полагается въ зависимость отъ рѣшенія второй. Такъ, полагая, дѣло идетъ о невольничествѣ. Исходя изъ нравственной идея, начнуть съ осужденія рабства и потомъ

будут отыскивать, какъ можно производить возможно больше безъ рабовъ. Разсматривая же вопросъ съ точки зрѣнія богатства, сначала зададутъ себѣ вопросъ производительнѣ ли рабскій трудъ свободнаго, и, смотря по утвердительному или отрицательному отвѣту, объявятъ себя за или противъ невольничества. Или, положимъ, дѣло идетъ о раздѣленіи труда, то съ нравственной точки зрѣнія прежде всего будутъ стараться благопріятствовать развитію и свободному проявленію человѣческихъ способностей; съ точки же зрѣнія богатства вопросъ будетъ заключаться въ томъ, до какой степени можно подраздѣлить трудъ, чтобы производить возможно дешевле, а все, что касается до развитія человѣческихъ способностей, будетъ оставлено въ сторонѣ. Такимъ образомъ опущеніе изъ виду нравственныхъ задачъ или подчиненіе этихъ задачъ вопросамъ матеріальнымъ—таковъ результатъ принятія основною данною науки-производства богатствъ.

Такого рода выводъ не только не ослабляется идеею распределенія богатства, но напротивъ усиливается. Одно изъ существенныхъ условий науки состоитъ въ обеспеченіи каждому справедливаго вознагражденія за его трудъ, въ содѣйствіи, чтобы никто не былъ обиженъ или менѣе благопріятствуемъ при обмѣнѣ, нежели другой. Но если мы будемъ изыскивать только способъ, какъ распределяются богатства, то пройдемъ безъ вниманія мимо этого важнаго вопроса, что и было со всѣми послѣдователями англійской школы. Распределеніе богатствъ есть фактъ матеріальный; пока этотъ фактъ составляетъ главный предметъ изслѣдованій, то можно опредѣлить условія, при которыхъ онъ совершается съ наибольшою правильностью и удобствомъ; но къ этому изученію будетъ только косвеннымъ образомъ примыкать вопросъ о справедливости вознагражденія труда. Напротивъ

съ нравственной точки зрѣнія этотъ послѣдній вопросъ становится главнымъ и вопросъ о распределеніи сабууетъ за нимъ, какъ логическое послѣдствіе, какъ способъ справедливаго распределенія.

Наконецъ потребление въ наукѣ о богатствѣ является, повидимому, случайною, и притомъ печальною. Сохраненіе общества, благосостояніе лицъ, увеличеніе количества и силы человеческого рода, представляются только въ видѣ потребленія богатствъ. Отсюда взгляды на потребление, какъ на зло, и все, что можно сберечь изъ него для увеличенія капитала, считается барышемъ. Проходятъ мимо общественнаго и личнаго сохраненія, какъ проходятъ мимо справедливаго распределенія труда и, быть можетъ, вовсе позабыли бы о самомъ потребленіи, еслибы оно непрерывно не являлось условіемъ и стимуломъ производства. Напротивъ съ нравственной точки зрѣнія, трудъ не можетъ быть предпринятъ безъ цѣли, заключающейся въ удовлетвореніи личныхъ и общественныхъ потребностей и потребление занимаетъ свое законное мѣсто, какъ осуществленіе этой цѣли.

Очевидно, что, строго придерживаясь взгляда на политическую экономію, какъ на науку исключительно касающуюся вещественнаго богатства, необходимо приходили къ результатамъ, находящимся въ рѣзкомъ противорѣчій съ началами истинной политикой, съ положеніями права и морали, съ основными задачами человѣческой цивилизаціи. Это потому, что богатство не можетъ составлять предмета отдѣльной науки, ибо оно представляетъ не болѣе, какъ результатъ, какъ одно изъ проявленій человѣческой дѣятельности, находящееся въ тѣсной связи съ прочими жизненными сторонами, опредѣляющими смыслъ и цѣнность его. Человѣкъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, составляетъ одно органическое цѣлое, всѣ

части которого тѣсно связаны другъ съ другомъ; поэтому можно изучать эти части отдѣльно, можно изъ каждаго органа дѣлать предметъ особаго изслѣдованія, но подѣ условіемъ не забывать связи этого органа съ другими. Политическая же экономія, занимаясь исключительно одними матеріальными цѣнностями и устранивъ изслѣдованіе о другихъ вещественныхъ благахъ, забывала, что все отрасль народной дѣятельности находится въ тѣсной неразрывной связи между собою, что, отказываясь отъ выясненія значенія какой либо одной изъ нихъ, она осуждаетъ себя на одностороннее и невѣрное пониманіе всехъ остальныхъ; словомъ она поступила въ этомъ случаѣ такимъ образомъ, какъ еслибы въ физиологіи, кто либо предполагалъ, что мускулы находятся въ совершенной независимости отъ нервной системы и сталъ бы изучать ихъ совершенно самостоятельно.

Понятно, почему политическая экономія, обративъ все свое вниманіе на одно вещественное богатство, отказавшись отъ изслѣдованія всехъ другихъ сторонъ общественной жизни и ограничившись исключительно матеріальной сферой труда, потеряла сознаніе органическаго характера народной жизни, упустивъ изъ виду связь между матеріальнымъ и духовнымъ благосостояніемъ, пришла къ неправильнымъ и одностороннимъ выводамъ, придавъ матеріальнымъ сферамъ народной дѣятельности главное значеніе, изъ общества начала видѣть въ хозяйственной жизни исключительное преобладаніе эгоистическихъ стремленій, въ народахъ исключительно мастеровъ для производства богатствъ, въ человѣкѣ машину, производящую и потребляющую богатства, въ жизни исключительно капитализмъ, въ государствѣ простое орудіе для достиженія чисто матеріальныхъ цѣлей, не имѣющее своего самостоятельнаго общественнаго значенія.

Такимъ образомъ, сдѣлавши цѣлью своихъ изслѣдованій богатство, состоящее въ сущности только орудіе, способъ для достиженія другой высшей цѣли, забывая о результатѣ всякой общественной науки — счастья и благосостояніи большинства, для одного изъ орудій, посредствомъ котораго этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ, политическая экономія все болѣе и болѣе терялась въ безвыходныхъ трудностяхъ и приходила къ тому, что оставалась на остроумныхъ неприложимыхъ отвлеченіяхъ, которыя, при попыткахъ примѣненія ихъ, вели къ весьма дурнымъ практическимъ послѣдствіямъ. Примѣненіе экономическихъ законовъ, представляющихъ собою органическую систему началъ только тогда можетъ привести къ полному благотворному результату, когда обеспечена совокупность дѣйствій ихъ во всехъ сторонахъ общественной жизни; отдѣльное же и невѣрное приложеніе ихъ въ однихъ только сферахъ народной дѣятельности ведетъ только къ нарушенію экономического порядка, ухудшенію условій труда, и вердикто дѣлаетъ невозможными для многихъ занятія, необходимыя какъ для ихъ умственного и нравственнаго, такъ и матеріальнаго благосостоянія. Но, понятно, что политическая экономія, изучавшая экономическіе законы только съ одной точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ, не имѣла возможности со всею полнотою и научною строгостію прослѣдить всесторонній проявленія этихъ законовъ и такимъ образомъ, упуская изъ виду причину дисгармоніи въ народномъ хозяйствѣ, принимала вердикто за причину и потому не къ составленію была объяснить изъотвѣрныхъ темныхъ сторонъ современнаго экономического быта.

Неудивительно, что такое узкое и неправильное опредѣленіе политической экономіи, стремившееся выдѣлать ее въ особую, независящую отъ прочихъ общественныхъ на-

укъ, отрасль знанія, повело къ довольно справедливымъ, хотя перѣдко и преувеличеннымъ нападкамаъ многочисленныхъ социальныхъ писателей. Не безъ вѣкотораго основанія видѣли въ ней продуктъ матеріальнаго направленія мысли и жизни человѣчества, и упрекали за ея исключительную матеріальную точку зрѣнія, за то, что она занимается однимъ вещественнымъ богатствомъ, рассматриваетъ человѣка только съ физической, животной стороны его потребностей, ограничивается изученіемъ только сферы внѣшнихъ, чувственныхъ наслажденій, руководится только однимъ эгоизмомъ и не имѣетъ никакого отношенія къ высшимъ сторонамаъ человѣческой жизни.

Понятно, что такого рода взгляды приводили къ вреднымъ послѣдствіямъ какъ въ наукѣ, такъ и въ практической жизни, порождали неправильное сужденіе о значеніи различныхъ отраслей труда, подавали поводъ къ одностороннему возвышенію одной сферы народной дѣятельности надъ другими, возбуждали недомыслия и ошибочные взгляды въ области общественныхъ и государственныхъ теорій, наконецъ содѣйствовали разъединенію и отчужденію различныхъ государственныхъ и общественныхъ наукъ, которыя, по самой сущности предмета своего изслѣдованія, необходимо должны бы составлять одно цѣлое.

И такъ, съ какой бы точки зрѣнія мы ни рассматривали опредѣленіе политической экономіи, какъ науки о вещественномъ богатствѣ, опредѣленіе, вытекшее изъ ложнаго взгляда Адама Смита на богатство и трудъ, мы постоянно приходимъ къ сознанию неудовлетворительности его. Несомнѣнно, что политическая экономія не есть наука о вещественномъ богатствѣ, что она не можетъ ограничиваться изученіемъ исключительно только дѣятельности, направленной на производство вещественныхъ цѣнностей, но что она необходимо должна научать всю совокупность общест-

венныхъ трудовъ, всѣ сферы общественной дѣятельности, направленной на производство различнаго рода какъ вещественныхъ, такъ и невещественныхъ благъ. Такойъ результатъ всего новѣйшаго развитія политической экономіи, который привелъ къ необходимости дать политической экономіи другое, болѣе точное опредѣленіе. Правда, многіе экономисты, чувствуя несоотвѣтственность между содержаниемъ науки и опредѣленіемъ ея, какъ науки о вещественномъ богатствѣ, старались устранить это неудобство тѣмъ, что прибѣгли къ расширенію смысла слова богатство и, вопреки его обычному значенію, начали придавать ему болѣе или менѣе широкій смыслъ, подразумеваемая подъ нимъ не только вещественныя богатства, но и различнаго рода услуги, воплощающіяся въ лицахъ, и расширяя такимъ образомъ понятіе богатства до значенія цѣнности вообще, и даже до значенія полезности, блага или всего, что можетъ служить для удовлетворенія какихъ бы то ни было человѣческихъ потребностей. Но такого рода расширеніе понятія богатства едва-ли было удачнымъ нововведеніемъ, ибо оно повело только къ новымъ недоразумѣніямъ, къ новой путаницѣ понятій, породившей множество неясностей и безчисленное количество споровъ и ошибокъ. Какъ справедливо замѣчаетъ американскій экономистъ Перри, слово это было языкомъ политической экономіи, тономъ, изъ которой происходить тотъ сильный туманъ, который такъ долго затемнялъ предметъ политико-экономическихъ изслѣдованій. Дѣйствительно, изъ того, что политическая экономія имѣетъ предметомъ богатство, съ очевиднымъ правомъ заключили, что первая забота экономиста должна заключаться въ опредѣленія и характеристикѣ богатства, вследствие чего каждый экономистъ считалъ своею обязанностию помѣтять въ началѣ своего труда нескончаемую диссертацию объ этомъ интересномъ

предметъ. Отсюда бесчисленное множество прений о различіяхъ, существующихъ между полезностью, этикъ первымъ атрибутомъ богатства, и цѣнностью, составляющею дополнение его, о природѣ этой цѣнности, условіяхъ ея происхожденія и существованія, прений, вслѣдствіе которыхъ наука наполнилась абстракціями, наводившими ужасъ и отвращеніе на тѣхъ, которые мало знакомы съ нею. И, не смотря на все это, даже въ настоящее время, послѣ цѣлой массы манипуляцій и разъясненій, слово это все таки не представляется еще на столько яснымъ, чтобы не возбуждать никакихъ споровъ и недоумѣній. Очевидно, что по неопредѣленности и двѣднчивости своего смысла, не говоря уже о внутренней его недостаточности и несоотвѣтственности изучаемому предмету, слово это представляется совершенно несостоятельнымъ и непригоднымъ для научныхъ цѣлей, а тѣмъ болѣе для построенія на немъ цѣлаго научнаго знанія. Люди могутъ думать, писать, говорить и спорить до страшнаго суда; но, если только они не употребляютъ слово съ опредѣленнымъ смысломъ и понимаютъ подъ нимъ совершенно различныя вещи, то они никогда не достигнутъ значительныхъ результатовъ, никогда не сдѣлаютъ большихъ успѣховъ.

VII.

Ошибочное опредѣленіе политической экономіи, какъ науки о вещественномъ богатствѣ, вытекающее изъ ложнаго взгляда Адама Смита на богатство и производительность труда, рано вызвало противъ себя реакцію, которая, по степени развивавшейся и усиливавшейся, не замедлила привести подъ конецъ къ установленію болѣе правильнаго взгляда на задачу и предѣлы политической экономіи.

Ученіе о политической экономіи, какъ наукѣ о вещественномъ богатствѣ, какъ мы замѣтили уже прежде, глав-

нымъ образомъ возникло и распространилось въ Англіи, гдѣ оно находилось въ непосредственной связи съ тѣмъ громаднымъ развитіемъ промышленности и богатства, которое по преимуществу характеризуетъ эту страну въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Какъ извѣстно, въ этотъ моментъ времени, подъ вліяніемъ различнаго рода техническихъ и механическихъ открытій, началъ совершаться тотъ коренной переворотъ въ способѣ производства богатства, который повелъ къ совершенному преобразованію условій промышленнаго міра, къ значительному расширенію средствъ и удобствъ жизни, къ необыкновенному развитію частныхъ и международныхъ сношеній, къ установленію болѣе тѣсныхъ связей между всѣми странами земнаго шара, а вслѣдствіе всего этого и къ измѣненію самаго характера государственной власти, которая мало по малу начала терять свой феодалный характеръ и становиться представительницею не однихъ привилегированныхъ классовъ, но всѣхъ сословій, представительницею, у которой на главномъ планѣ явился мѣсто интересы хозяйственнаго. Неудивительно, что такое колоссальное развитіе богатства и громадное вліяніе, оказанное имъ на общественный бытъ, на первый разъ совершенно ослѣпило умы и привело къ преувеличенному, одностороннему взгляду на значеніе богатства.

Но мало по малу на ряду съ этимъ громаднымъ увеличеніемъ богатства, вмѣстѣ съ усиленнымъ приложеніемъ принципа раздѣленія труда, различнаго рода усовершенствованныхъ орудій и машинъ, появилось другое, не менѣе достойное вниманія экономиста, явленіе — это крайняя бѣдность громаднаго большинства народонаселенія. Подобное явленіе по неволѣ возбуждало вопросъ: состоитъ-ли цѣль экономическаго науки въ увеличеніи одного только вещественнаго богатства, и не представляетъ-ли это явленіе

чтобы изыскать способы, посредствомъ которыхъ можно обеспечить возможно большому числу лицъ, живущихъ въ обществѣ, возможно большую степень благополучія и счастья. Такъ какъ человекъ есть существо сложное, испытывающее физическія и нравственныя потребности, влѣдствие чего и счастье его составляетъ также изъ финансовыхъ и нравственныхъ условій, то на основаніи этого и самая наука о правительствѣ, распадается у него на двѣ отрасли, на *высшую политику и экономію*.

Цѣль высшей политики заключается въ обеспеченіи нравственнаго счастья, на сколько это зависитъ отъ правительства, которое обязано распространять на всѣ классы народа благотворное вліяніе свободы, просвѣщенія, добродѣтели и надежды. Что же касается до политической экономіи, то предметомъ ея изслѣдованій служитъ физическое благосостояніе человека, на сколько оно въ свою очередь зависитъ отъ дѣйствій правительства. При этомъ Сисмонди прибавляетъ, что всѣ физическія потребности человека, относительно которыхъ онъ находится въ зависимости отъ своихъ ближнихъ, удовлетворяются посредствомъ богатства. Оно расплачивается трудомъ, покупаетъ заботы, доставляетъ все то, что человекъ накопилъ для своего потребленія и для своихъ удовольствій. Посредствомъ его сохраняется здоровье, поддерживается жизнь, обеспечивается дѣтство и старость, снабжаются всѣ пищу, одеждою и жилищемъ. Поэтому, богатство, по его мнѣнію, можетъ быть рассматриваемо какъ представитель всего, что люди могутъ сдѣлать по отношенію къ физическому благосостоянію другихъ, а потому и наука, которая научаетъ правительства настоящей системѣ управленія народнымъ богатствомъ, составляетъ такимъ образомъ весьма важную часть науки народнаго счастья.

Такимъ образомъ для Сисмонди политическая эконо-

нія есть *изысканіе способовъ, посредствомъ которыхъ возможно большее число лицъ въ данномъ государствѣ можетъ участвовать въ наибольшей степени физическаго благосостоянія, зависящаго отъ правительства*.

Этому опредѣленію отчасти слѣдовалъ Дроздъ, который подъ политическою экономіею разумѣлъ науку, имѣющую цѣлью сдѣлать довольство, — *aisance*, возможно общимъ, чего полагать достигнуть изученіемъ способовъ хорошо производить и распределять богатство; а также Скарбензъ, для котораго политическая экономія являлась *кризологиею* или наукою, представляющею систематическое собраніе принциповъ, служащихъ основаніемъ физическаго благосостоянія народовъ, а также совокупности правилъ, которыя должно слѣдовать для достиженія этого благосостоянія.

Но легко видѣть, что это опредѣленіе политической экономіи, особенно въ формѣ выраженной Сисмонди, представляетъ прежде всего тотъ важный и существенный недостатокъ, что, строго придерживаясь его, политическая экономія теряетъ свой высокій научный характеръ и низводится до степени отрасли административнаго искусства, заключающаго въ себѣ рядъ правилъ и предписаній, назначенныхъ для руководства правительствъ въ способахъ обеспеченія физическаго благосостоянія народовъ. Дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы, какъ свойственно наукѣ, наблюдать и изучать экономическія явленія и открывать законы, управляющіе ими, на нее возлагаютъ въ этомъ опредѣленіи исключительную роль искусства, практическую обязанность управлять и руководить правительственною дѣятельностью, направленною на обеспеченіе физическаго благосостоянія.

Съ другой стороны, опредѣленіе Сисмонди представляетъ, сверхъ того, еще то важное неудобство, что раз-

считать это физическое благосостояние, не как результат самостоятельной деятельности человека, не как плод свободного действия человека на вещество, но исключительно, как результат правительственного вмешательства, которое, хотя несомненно имеет важное значение по отношению к экономической деятельности, темъ не менее все таки составляет только одинъ изъ элементовъ общественной жизни и никоимъ образомъ не исчерпываетъ всего содержания экономической науки. Но, ограничивая такимъ образомъ съ одной точки зрѣнія сферу изученія политической экономіи исключительно правительственной деятельностью, превращая такимъ образомъ политическую экономію исключительно въ науку прагматическую, въ отрасль искусства, составляющаго часть политики, определение это, съ другой стороны, не даетъ точнаго понятія о границахъ ея изысканій, такъ какъ трудно сказать, какия дѣйствія правительства не имѣютъ болѣе или менѣе близкаго отношенія къ физическому благосостоянію человека. Также неясное определение не обошлось безъ вредныхъ послѣдствій для дальнѣйшаго развитія политической экономіи, ибо оно дало новое оружіе тѣмъ направленіямъ и сектамъ, которыя, среди всѣхъ ихъ разногласій, питаютъ одно общее стремленіе подчинить промышленную жизнь верховному управленію всемогущаго государства; и многіе изъ послѣдователей этого направленія, несмотрительно бросившись по этому пути, занялись построеніемъ странныхъ и несбыточныхъ теорій, породившихъ разладъ между мнимою наукою и дѣйствительностью, отъ которой никакое знаніе не должно отрываться подъ опасеніемъ совершенной безплодности.

Наконецъ, определение это, ограничивая область политической экономіи, исключительно однимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, зависящимъ въ свою очередь отъ веще-

ственного богатства, очевидно, не представляетъ существенной разницы отъ предшествовавшаго опредѣленія науки, какъ о вещественномъ богатствѣ, и слѣдовательно подлежитъ большей части вышеуказанныхъ замѣчаній и возраженій, такъ какъ далеко не охватываетъ всей области экономическихъ явленій и представляется слишкомъ узкимъ, относясь къ понятію, которое не можетъ служить предметомъ изученія какой либо отдѣльной науки. Дѣйствительно, исключительно матеріальнаго благосостоянія человека, совершенно отличнаго отъ его благосостоянія нравственнаго и духовнаго, не существуетъ. Человѣкъ есть существо цѣльное и нераздѣльное, въ которомъ всѣ потребности и интересы сливаются въ одно общее состояніе — благосостояніи человѣческаго, гуманнаго. По этому благосостоянію человека заключается не только въ удовлетвореніи его матеріальныхъ, физическихъ потребностей, но въ гармоническомъ развитіи всѣхъ вложенныхъ въ человека природою потребностей тѣлесныхъ и духовныхъ и въ возможно болѣе полномъ и совершенномъ удовлетвореніи ихъ. Чувство человѣколюбія, стремленіе къ справедливости, къ истинѣ, къ изящному, представляють потребности столь же неразрывно связанныя съ человѣческой природою, какъ и ощущеніе физическихъ нуждъ. Эти нравственныя и духовныя потребности встрѣчаются на всѣхъ ступеняхъ развитія, у всѣхъ людей. Удовлетвореніе ихъ составляетъ такую же насущную потребность человѣческой природы и столь же существенное условіе его благосостоянія, какъ и удовлетвореніе его физическихъ потребностей. Въ этомъ смыслѣ слова благосостояніе тождественно съ понятіемъ о назначеніи человека, какъ нравственно-разумнаго существа, назначенія, состоящемъ во всестороннемъ развитіи его способностей и силъ. По этому, очевидно, что и ограниченіе области политической экономіи исключительно ол-

нимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, уже вследствие одной невозможности отдѣлить его отъ благосостоянія вообще, и не говоря о другихъ побужденіяхъ, несостоятельно. Это видно изъ самаго содержанія сочиненій, придерживающихся этого взгляда, содержанія, изъ котораго оказывается, что на дѣлѣ говорится далеко не объ однихъ матеріальныхъ интересахъ, но о различнаго рода явленіяхъ и фактахъ, какъ о напр. раздѣленіи труда, мѣнѣ, накопленіи и сбереженіи богатствъ, законахъ, опредѣляющихъ цѣнность вещей, размѣръ заработной платы, прибылей, вліяніи правительства и многихъ другихъ вопросамъ, имѣющихъ прямое отношеніе не только къ физическому благосостоянію, но къ правильному и полному развитію всѣхъ сторонъ народной жизни, или, говоря иначе, къ благосостоянію вообще.

Неудивительно, что большинство другихъ писателей, придерживающихся того же взгляда на политическую экономію, какъ на науку о благосостояніи, сознавая невозможность исключительнаго преслѣдованія какою либо отдѣльною наукою одного только матеріальнаго благосостоянія, начали расширять предѣлы политической экономіи и поставили задачей ея благосостояніе не только физическое, но благосостояніе вообще, понимая подъ нимъ всестороннее развитіе всѣхъ человѣческихъ способностей и силъ. Такъ въ числѣ этихъ писателей, на первомъ планѣ стоятъ: нашъ русскій экономистъ *Шторкс* и итальянскій писатель — *Бианкини*.

Что касается *Шторкса*, то, исходя изъ понятія о благосостояніи, онъ считаетъ политическую экономію отраслью одной общей науки о *государствѣ*, которая у него распадается на двѣ части: теоретическую или *науку общественнаго* и практическую или *политику*.

Первая часть или *наука общественная*, въ свою оче-

редь, распадается на двѣ отдѣла: *политическую экономію* и *науку всеобщаго права*. Политическая экономія является у него, какъ наука объ естественныхъ законахъ, опредѣляющихъ благосостояніе народа, то есть, его богатство и цивилизацію. Разъяснилъ подробно это опредѣленіе, онъ прибавляетъ, что наука эта стремится открыть естественные законы, господствующіе въ развитіи человеческого рода и управляющіе его движеніемъ, показываетъ какимъ образомъ человѣкъ, живя въ обществѣ, достигаетъ удовлетворенія физическихъ и нравственныхъ, естественныхъ и искусственныхъ потребностей, какимъ образомъ зарождаются, возрастаютъ и распространяются искусства, науки и общественныя добродѣтели; словомъ — раскрываетъ передъ нами естественный механизмъ, отъ котораго зависитъ процваніе народовъ.

Когда общественная наука занимается опредѣленіемъ усилій разума относительно того, что справедливо въ общественныхъ отношеніяхъ людей, то въ такомъ случаѣ получаетъ названіе всеобщаго права, распадающаго на право частное, публичное и международное.

Что же касается второй части науки о государствѣ — политики, то она имѣетъ практическое значеніе и касается трехъ главныхъ предметовъ: государственнаго устройства, внешней и внутренней безопасности и благосостоянія, следовательно политики конституціонной, политики внешней и внутренней, обнимающей гражданское и уголовное право, а также экономическое и финансовое право.

Наконецъ итальянскій писатель *Бианкини* прямо называетъ политическую экономію *наукою объ общественномъ благосостояніи*, которое, по его словамъ, равно происходитъ, какъ отъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ интересовъ и главнымъ образомъ состоитъ въ удовлетвореніи желаній и приобрѣтеніи вещественныхъ и нравствен-

ныхъ благъ, совместныхъ съ положеніемъ каждаго стдѣльнаго лица, съ духомъ гражданскихъ учреждений, со степенью цивилизаціи народа и непротиворѣчащихъ интересамъ другихъ лицъ и народовъ.

Исучая исторію науки, говоритъ онъ, оказывается, что наука, столь неточно называемая экономіею, все болѣе и болѣе сходитъ въ противорѣчіе съ фактами и уроками опыта и не въ состояніи болѣе удовлетворять главнѣйшимъ потребностямъ современныхъ обществъ, волнующихъ неопредѣленными стремленіями, противоположными интересами и направленіями. Намъ господствуетъ принципъ, который поглощаетъ собою, какъ экономію, такъ и законодательство и политику, матеріальные и нравственные интересы народовъ. Принципъ этотъ заключается во всеобщемъ стремленіи къ лучшему и болѣе достаточному существованію. Очевидно, что политическая экономія, вслѣдствіе ограниченности своего предмета, не можетъ удовлетворить столь широкому и цивилизующему требованію. Поэтому необходимо дать политической экономіи цѣль болѣе широкую или создать новую науку, которая воплотила бы въ себя все, что есть истиннаго въ элементахъ старинной экономіи, нравственности, политики, гражданского права и въ томъ, что неточно называютъ правомъ всеобщимъ и международнымъ. Иными словами, эта новая наука, продолжая заиматься экономическими вопросами, должна направлять и употребить въ пользу обществности различныя отрасли человеческого знанія: и такъ какъ цѣль ея составляетъ общественное благосостояніе, то она должна пожертвовать ей всѣмъ для достиженія возможно болѣе степени равенства въ распределеніи вознагражденій, имущества и труда». Очевидно, замѣчаетъ онъ далѣе, что съ этою наукою тѣсно связано общественное счастье, что и побудило насъ дать ей названіе *науки общественнаго благо-*

состоянія, такъ какъ предметъ ея въ высшей степени общественный, такъ какъ выраженіе это заключаетъ въ себѣ идею народовъ и обществъ, и такъ какъ наконецъ этой новой наукѣ предстоитъ также подвергнуть анализу и опредѣлить международныя отношенія, столь необходимныя для счастья народовъ.

Такимъ образомъ для Биннини, такъ какъ для Шторха, политическая экономія является наукою о благосостояніи, т. е. обнимаетъ собою все сферы народной жизни, всю совокупность ихъ интересовъ. Такого же взгляда на политическую экономію и многихъ другихъ, какъ то Шульце, Безерта, Опцмера и Горлома, который, между прочимъ, полагаетъ, что государственная экономія разсматриваетъ хозяйственныя условія народнаго благосостоянія, поскольку она заключается въ нравственной природѣ человека и обществности.

Очевидно, что все эти опредѣленія политической экономіи, какъ науки о благосостояніи вообще, представляяють, сравнительно съ опредѣленіемъ ея, какъ науки о вещественномъ богатствѣ или фазическомъ благосостояніи, то преимущество, что по крайней мѣрѣ лучше выражаютъ ту действительную цѣль, къ которой въ окончательномъ результатѣ несомнѣнно, между прочимъ, стремится и политическая экономія. Но, съ другой стороны, представляя понятіе слишкомъ обширное, имѣющее отношеніе не къ одной политической экономіи, но, можно сказать, ко всѣмъ наукамъ вообще, опредѣленіе это далеко не можетъ считаться удачнымъ, ибо не даетъ точнаго понятія о предметѣ политико-экономическаго изученія въ частности. Сверхъ того, строго придерживаясь его, наука теряетъ свой научный характеръ, такъ какъ оно указываетъ только на цѣль науки, на результатъ ея, на вѣдѣнію сторону, на прикладную

часть и практическое значение, а не на самый предмет ее изучения.

Наконец, что касается в частности определения Шторха, то о всем можно заметить, что автор его догрывает еще тем, что не обратил достаточного внимания на слово цивилизация, которое, заключая в себя значительное число элементов, обвиняет между прочим и самое богатство, представляющееся у Шторха независимым от понятия цивилизации.

VIII.

Слишком широкое определение политической экономии, как науки о благосостоянии, точно также, как и узкое определение ее, как науки о вещественном богатстве, не могло удовлетворить многих экономистов и привело их к новому взгляду на политическую экономию, — как на науку, занимающуюся исключительно изложением законов *мысли*, или что, по мнению некоторых, все равно, *мыслевой чужности*.

Определение это, встречающееся еще в прошлом столетии у *Кандильяка*, впервые нашло себя ревностного защитника в английском экономисте *Уатли*, предлагавшем называть политическую экономию каталантикою; но сь особенною силою и талантом оно было поддержано *Бастиа* и *Маклеодом*, так что образовало целую школу, в которой принадлежат между прочим Вальрасъ, Рашло, Мишель Шевалье, Перри и другие.

Французский экономист Бастиа слѣдующим образом пришел к такому определению: «Из трех терминов, говорить онъ, обвиняющихъ человеческую жизнь: *ощущения, усилия и удовлетворения*, первый и послѣдній всегда необходимо бывають слиты в одно и томъ же видидѣ. Нельзя представить себя въ раздѣленныхъ. Можно представить себя неудовлетворенное ощущение

не, неутоленную потребность; но никогда нельзя представить, чтобы *потребность* ощущалась однимъ, а *удовлетворение* получалось другимъ. Еслибы тоже было и сь среднимъ терминомъ *усиліемъ*, то человекъ оставался бы существомъ совершенно одинокимъ. Весь экономическій феноменъ въ цѣлости совершался бы тогда въ отдѣльномъ индивидѣ. Могло бы существовать простое сопоставленіе лицъ, но не существовало бы общества. Могла бы быть *экономиа личная*, но не могла бы существовать *экономиа политическая*».

«Но на дѣлѣ бываетъ не такъ. Весьма возможно и весьма часто случается, что потребность одного удовлетворяется усилиями другого. Таковъ дѣйствительный фактъ. Если мы разберемъ все удовлетвореніе, получаемыя нами, то легко увидимъ, что большая часть ихъ обязана усилиямъ, которыхъ мы сами не совершали; и что, наоборотъ, собственныя наши усилия, направлены на удовлетвореніе желаній другихъ. Это показываетъ, что *общественный принципъ*, происхожденіе политической экономии, слѣдуетъ искать не въ потребностяхъ и не въ удовлетвореніи, явившихъ существование *взаимныхъ* и не *способныхъ* къ передачѣ, но въ природѣ средняго терьяна, въ *человѣческихъ усилияхъ*».

«Дѣйствительно, въ этой способности *трудиться для друга*, способности исключительно свойственной однимъ людямъ, въ этой возможности передачи усилий, въ этомъ обмѣнѣ услугъ, со всѣми его безконечными и сложными комбинаціями, которыя онъ порождаетъ во времени и въ пространствѣ, и заключается собственно то, что составляетъ экономическую науку, указываетъ на ее происхожденіе и опредѣляетъ ее границы. Поэтому я говорю: въ область политической экономии входитъ *всякое усиліе* человека, способное удовлетворять потребности другаго лица

подъ условіемъ возврата; следовательно сюда входятъ все потребности и все удовлетворенія, относящіяся къ условіямъ этого рода»...

«Совершивъ усиліе для удовлетворенія потребности посторонняго лица, значить оказать ему *услугу*. Если эта услуга дѣлается подъ условіемъ возврата, то происходитъ *обмѣнъ услугъ*, а такъ какъ этотъ случай обмѣна самый обыкновенный, то политическая экономія можетъ быть названа *теоріею обмѣна*. Какова бы ни была сила потребности для одной стороны, какъ бы ни было велико усиліе съ другой, во, если только обмѣнъ свободенъ, то дѣя обмѣняемыхъ услугъ, стоятъ одна другой, равноцѣнны (se valent). И такъ *цѣнность* заключается въ сравнительной оцѣнкѣ взаимныхъ услугъ, и потому можно связать, что политическая экономія есть *теорія цѣнности*».

Такой взглядъ на предметъ политической экономіи нашель себѣ въ последнее время сильнаго защитника въ лицѣ англійскаго экономиста Маклеода. По мнѣнію послѣдняго, предметъ чистой науки политической экономіи заключается въ томъ, чтобы *открывать законы, опредѣляющіе отношенія обмѣняемыхъ количествъ*. Многими отношенія одного количества къ другому, называются его *цѣнностью*. Такимъ образомъ истинная задача политической экономіи состоитъ въ томъ, чтобы *открывать законы, опредѣляющіе цѣнность количествъ*».

Опредѣливъ такимъ образомъ свойство и границы науки, Маклеодъ переходитъ даѣе къ перечисленію предметовъ, входящихъ въ область ея, и заключаетъ, что эта наука должна обнимать *все количества или предметы, какъ матеріальныя, такъ и нематеріальныя*, если только они имѣютъ цѣнность или подлежатъ мѣнѣ. «Первые экономисты, говоритъ онъ, ограничивали область своихъ изслѣдованій одніи только матеріальною собственностью, обладающею

свойствомъ обмѣна. Послѣдующій шагъ впередъ состоялъ въ томъ, что сюда включили всякую умственную собственность, которая представляетъ цѣнность, или же можетъ быть предметомъ продажи. Политическая экономія обвиняетъ собою все предметы, какого бы то ни было свойства, существующіе теперь, или могущіе возникнуть въ послѣдствіи, лишь бы эти предметы могли быть покупаемы или продаваемы».

Точно въ такомъ же духѣ выражается американскій писатель *Перри*: «Политическая экономія, говоритъ онъ, есть наука о мѣнѣ, или, что совершенно все равно, наука о цѣнности. Надлежащее изложеніе этой науки требуетъ анализа тѣхъ началъ человѣческой природы, изъ которыхъ возникаетъ мѣна, разсмотрѣнн тѣхъ провиденціальнахъ экономическихъ и общественныхъ учрежденій, посредствомъ которыхъ становится очевиднымъ, что мѣна предназначена Провидѣніемъ для благосостоянія людей, и изслѣдованія тѣхъ законовъ и правилъ, которые придуманы человѣкомъ для облегченія или затрудненія обмѣновъ. Наука цѣнности будетъ прочно основана и достаточно разъяснена, если будетъ доказано, что положенія ея, систематически расположенныя, вытекаютъ изъ признанныхъ началъ чезовѣческой природы и сообразны съ провиденціальнымъ устройствомъ міра и общества, и когда, при себѣ этихъ положеній, будутъ изложены и правильно разъяснены чезовѣческія учрежденія и законы, касательно мѣны».

Если мы внимемъ въ смыслъ этого опредѣленія политической экономіи, какъ науки о мѣнѣ или мѣновой цѣнности, то, допустивши его, прежде всего придется къ сознанію необходимости значительнаго сокращенія области политической экономіи и исключенія изъ нея множества вопросовъ, безусловно относящихся къ ней. Дѣйствительно, если политическая экономія должна ограничиваться мѣною,

то она необходимо должна также начинаться мѣною. призвать предѣлы и ограниченія, которымъ подвергается мѣна, и наконецъ оканчиваться тамъ, гдѣ оначивается мѣна. Но въ такомъ случаѣ она можетъ разсматривать различнаго рода экономическія явленія и факты, касающіеся организации труда, производства и потребления богатствъ и услугъ, только по отношенію къ мѣнѣ, то есть по влиянію, которое они оказываютъ на запросъ и опредѣленіе труда или на соперничество, составляющее, по мнѣнію всѣхъ этихъ писателей, единственную вѣчную, непреложную форму мѣны.

Такимъ образомъ, строго придерживаясь этого опредѣленія, необходимо исключить изъ области политико-экономическихъ изученій цѣлую массу весьма существенныхъ экономическихъ вопросовъ, какъ то: значеніе различнаго рода элементовъ производства — природы, труда и капитала, различныхъ условий, опредѣляющихъ производительность труда; точно также, какъ съ другой стороны, изучая только явленія мѣны, не придется въ сущности заботиться объ ея окончательной цѣли — удовлетвореніи человеческихъ потребностей и обезпеченіи его физическаго и нравственнаго благосостоянія.

Дѣйствительно, какимъ образомъ безъ особыхъ усилій ввести къ науку о мѣнѣ многіе изъ законовъ труда, напр. законъ раздѣленія труда, который хотя и облегчается мѣною, но представляетъ явленіе, предшествующее мѣнѣ и существующее во всѣхъ первобытныхъ обществахъ. Точно также, какимъ образомъ въ такомъ случаѣ политическая экономія можетъ отнестись къ источнику общаго — свободѣ труда? Очевидно, что она должна будетъ принять его, какъ фактъ или гипотезу, ибо ей, подъ опасеніемъ непослѣдовательности, будетъ запрещено разъяснять смыслъ этой свободы, указывать, почему установленная ею систе-

ма присвоенія, полезнѣе и лучше другихъ, наконецъ изучать различнаго рода ограниченія, полагаемыя мѣнѣ, съ цѣлью оправданія или порицанія ихъ. Тоже можно сказать о различнаго рода другихъ экономическихъ явленіяхъ, какъ то: изобрѣтеніяхъ, машинахъ и вообще капиталахъ, — явленіяхъ, предшествующихъ мѣнѣ и слѣдовательно не входящихъ въ область науки о мѣнѣ.

Но спрашивается, каковы же доводы, приводимые въ пользу мнѣнія, ограничивающаго политическую экономію исключительно явленіями мѣны, чѣмъ оправдывается такое служеніе предѣловъ науки?

Несомнѣнно, что въ основѣ такого опредѣленія, какъ у Бастіа, такъ и у Маклеода и другихъ, лежитъ ошибочный преувеличенный взглядъ на общественное значеніе мѣны. По мнѣнію этихъ писателей, мѣна составляетъ не одну часть общественного механизма, но весь механизмъ, а потому вслѣдствіе отождествляется съ понятіемъ общества, а слѣдовательно и съ предметомъ политической экономіи. «Еслибы не было мѣны, то, по словамъ Маклеода, не было бы и науки политической экономіи; и идея цѣвности не существовала бы». «Обмѣнъ, говоритъ Бастіа, это политическая экономія, это все общество, потому что нельзя представить себѣ общества безъ мѣны, или обмѣнъ безъ общества». «Экономическая истина, говоритъ Бастіа, есть полный взглядъ на мѣну; а экономическая ошибка это частный взглядъ на мѣну». На этомъ основаніи, смѣшивая эти два понятія, Бастіа утверждаетъ, что «предметомъ политической и общественной экономіи исключительно должно быть изученіе причинъ, послѣдствій, законовъ мѣны». Тоже самое проглядываетъ и у Маклеода, когда онъ говоритъ, что раздѣленіе политической экономіи на производство, распредѣленіе и потребление богатствъ, очевидно не даетъ точнаго понятія о наукѣ. Богатство можетъ быть

производимо, распределяемо и потреблено без акта мысли, и следовательно без участия тех законов, которые должны входить в каждое из отправлений, включаемых в область политической экономии».

Но действительно ли это так? Действительно ли мысль составляет собою первоначальный, основной общественный факт, исчерпывающий все содержание общества? Очевидно, нет! Стоит только несколько взглянуть в общественное значение мысли, чтобы убедиться, что она есть ни что иное, как только способ распределения, более или менее благоприятный для производства богатств, или, говоря иначе, ничто иное, как обмен труда на труд, произведений на произведения, услуги на услуги; точно также как, в свою очередь, мысленная ценность есть не более как явление, зависящее от мысли. Ясно, что ни то, ни другое явление не исчерпывают содержания общественной жизни. Спрашивается, что будут мыслять, если не будут произведений и услуг, которые могли бы служить предметом мысли? Для того, чтобы приобрести, владеть и пользоваться различного рода богатствами и услугами. Но мысль составляет ли единственный способ приобретения? Нисколько! Она не составляет не только единственного, но даже не составляет прямого и первоначального способа; ибо, прежде нежели совершать мысль, необходимо обладать предметом мысли, а чтобы обладать им, необходимо прежде произвести его. Очевидно, что мысль не составляет собою ни исходной, ни конечной точки экономических фактов: она есть только один способ приобретения, и притом способ косвенный, второстепенный и потому рационально и должна быть изучаема, как таковой. Для того, чтобы существовала мысль, особенно основанная на соперничестве, необходимо разделение труда, необходимо про-

изводство, совершающееся в обществе, необходимо существование собственности, необходима свобода труда и мысли, — явления в высшей степени тесно связанные, которые безусловно должны входить, как существенные элементы в науку. Ограничивать же политическую экономию исключительно явлениями мысли и мысленной ценности, значить вместо целого видеть только часть, указывать на последствия и вовсе забывать о причинах, видеть второстепенный предмет и забывать о главном; словом изучать только одну функцию общественного организма вместо целостной игры всех его частей. Но достаточно обратиться к собственным вышеприведенным словам Бастия, чтобы на основании их вполне убедиться, что политическая экономия далеко не есть исключительно теория мысли или ценности, но теория человеческих усилий, теория общественного труда, направленного на удовлетворение человеческих потребностей. Действительно, трудъ, составляя необходимое условие существования человека, является основным явлением как личной, так и общественной жизни, являясь в своем дальнейшем развитии к раздѣленію труда и къ мысли.

Но писатели, придерживающиеся этого определения, не довольствуясь тем, что совершенно произвольно ограничивают область политической экономии исключительно одними явлениями мысли, сверхъ того и под самую мысль разумють далеко не все исторические виды проявления этого общественного начала, но исключительно только тот вид, который составляет характеристическую черту современного промышленного устройства, основанного на начале личного интереса, свободы труда, частной собственности и соперничества. Въ основѣ этого взгляда лежитъ мысль, что только эта форма обмена, находящая себѣ выраженіе въ законѣ запроса и предложения, представляетъ

собою абсолютно высшую и лучшую форму мысли, наиболее сообразную съ человеческою и общественною природою и потому обладающую наибольшою жизненною силою и долговѣчностью, которая и дѣлаетъ ее особенно удобнымъ, прочнымъ и вѣчнымъ предметомъ для изученія чистой политико-экономической науки. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотритъ на это Маклеодъ, который говоритъ, что «начала политической экономіи *должны были* исключительно основаны на священномъ правѣ частной собственности, на не-нарушимомъ правѣ каждаго человѣка удерживать въ свою пользу плоды своей дѣятельности и обмѣнивать ихъ на чужія произведенія, по своему усмотрѣнію, и въ тѣхъ размѣрахъ, которые соответствуютъ требованію на нихъ. Этими-то обмѣнами и различными размѣрами, въ которыхъ предметы обмѣниваются одинъ на другіе, наука политической экономіи и должна ограничиваться». Только такимъ образомъ, по его мнѣнію, сокращая объемъ политической экономіи, можемъ увеличить ея силу, избѣгнуть того разногласія, которое господствуетъ у различныхъ экономистовъ, и прийти къ абсолютной истинѣ по вѣсьмъ вопросамъ, входящимъ въ область ея. «Всѣ предметы, разсматриваемые въ моемъ курсѣ политической экономіи, замѣчаетъ Маклеодъ, подлежатъ точнымъ научнымъ доказательствамъ. По каждому предмету, обсуждающемуся въ настоящемъ трудѣ, можно прийти къ такой же несомненной истинѣ, какъ въ геометріи... Во вѣсьхъ отношеніяхъ такая наука есть наука точная, *in se ipso totus, teres, atque rotundus*».

Но, еслибъ даже было и справедливо, что по отношенію ко многимъ экономическимъ вопросамъ, входящимъ въ область политической экономіи, нельзя достигнуть полной высоты абсолютной истины, то и въ такомъ даже случаѣ подобнаго рода невозможность несколько не могла бы служить достаточнымъ основаніемъ для исключенія ихъ изъ

области науки. Экономическіе факты играютъ столь важную роль въ общественной жизни, такъ близко касаются интересовъ людей, что даже нѣкоторое, болѣе или менѣе отдаленное приближеніе къ истинѣ, въ состояніи принести огромную пользу. И дѣйствительно, всматриваясь въ природу большей части изъ нихъ, мы находимъ, что они доступны наблюденію и потому не лишены возможности послужить основаніемъ для приобритенія довольно вѣроатныхъ заключеній относительно законовъ, управляющихъ ими. Если же, при настоящемъ состояніи науки, многіе экономическіе положенія возбуждаютъ различнаго рода споры и недоумѣнія, то это достаточно объясняется неудовлетворительностью приемовъ изслѣдованія, недостаточностью фактовъ и наблюденій и вообще молодостью науки, насколько не доказывая безусловной невозможности болѣе или менѣе удовлетворительнаго разрѣшенія ихъ. Поэтому, не теряя надежды, можно рассчитывать, что съ устраненіемъ этихъ препятствій, съ накопленіемъ большого запаса точныхъ знаній, съ улучшеніемъ приемовъ изслѣдованія, словомъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ науки, эти вопросы будутъ разрѣшены съ болѣею или менѣе степенью удовлетворительности. Между тѣмъ, если слѣдовать примѣру Маклеода и вовсе устранить изъ области политической экономіи всѣ вопросы, неподдающіеся въ настоящую минуту математически точному рѣшенію, то такимъ образомъ мы не только не разрѣшаемъ задачи, но напротивъ навсегда устраняемъ отъ себя всякую возможность дальнѣйшаго развитія и осуждаемъ себя на насильственный застой и неподвижность.

Но, въ сущности, основаніе, приводимое Маклеодомъ, въ оправданіе ограниченія имъ области политической экономіи одними явленіями мысли и исключенія изъ ней цѣлой массы разнообразныхъ фактовъ, представляетъ собою

важную фактическую потребность. Такъ, исключая изъ области политической экономіи обширный отдѣлъ производства и потребления, Маклеодъ, какъ будто-бы руководится тою мыслью, что только по отношенію къ явленіямъ тѣмъ, можно прійти къ абсолютной истинѣ; что же касается до явленій производства и потребления богатствъ и услугъ, то въ этомъ отношеніи онъ, повидимому, сомнѣвается въ возможности подвергнуть ихъ точному анализу и прійти къ какимъ либо опредѣленнымъ выводамъ. Но въ действительности, при болѣе внимательномъ изученіи дѣла, оказывается совершенно противное. Такъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ современныхъ экономистовъ Джонъ Стюартъ Милль слѣдующимъ образомъ говоритъ объ отдѣлѣ производства богатствъ: «законы и условия производства имѣютъ характеръ истинъ, о которыхъ говорятъ естественныя науки. Въ нихъ нѣтъ ничего зависящаго отъ воли, ничего такого, что можно было-бы измѣнить. Все производимое человѣкомъ должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія налагаются качествами внешней природы и внутренними свойствами физическаго и умственнаго устройства самаго человѣка. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но размѣръ его производства, все равно будетъ опредѣляться размѣрами его предварительнаго сбереженія и, при данномъ размѣрѣ сбереженія, будетъ пропорціоналенъ энергіи человѣка, его искусству, достоинству его орудій и благоразумному пользованію годами соединеннаго труда. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но, удвоивъ количество труда, онъ не получитъ съ давнаго пространства земли удвоеннаго количества изъ пищи, если не произойдетъ улучшенія въ земледѣльческомъ процессѣ. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но непродолжительный расходъ отдѣльныхъ лицъ будетъ вести къ пропорціональному объединенію общества и только производи-

тельными расходованіемъ будетъ обогащаться общество. Каковы бы ни были мнѣнія и желанія по этимъ вещамъ, они не имѣютъ характера самыхъ вещей. Мы не можемъ сказать впередъ, какихъ предѣловъ не превзойдетъ возрастающее производительности труда при будущемъ расширеніи нашихъ знаній о законахъ природы и при возникновеніи изъ этихъ новыхъ знаній новыхъ промышленныхъ процессовъ, о которыхъ мы теперь не имѣемъ понятія. Но каковы бы ни были наши усилія въ стараніяхъ расширить предѣлы, полагаемые намъ свойствами вещей, мы знаемъ, что непремѣнно существуютъ эти предѣлы; мы не можемъ измѣнять коренныхъ качествъ ни матерій, ни мыслей, а можемъ только съ большимъ или меньшимъ усиліемъ употребить эти качества на произведеніе теломеновъ, нужныхъ для насъ».

Такимъ образомъ оказывается, что законы производства и потребления, какъ законы, непосредственно вытекающие изъ отношеній человѣка къ внешнему міру и изъ существенныхъ условий его природы, представляются столь же всеобщими и абсолютными, какъ законы физическіе или химическіе, и проявляются во всемъ человечествѣ, во все времена и во всѣхъ мѣстахъ, не заирая на произвогъ отдѣльныхъ лицъ.

Напротивъ, что касается законовъ тѣмъ, притомъ исключительно понимаемой въ узкомъ смыслѣ распредѣленія богатствъ, основаннаго на личномъ интересѣ, на частной собственности и личномъ соперничествѣ, то стоить только обратиться къ исторіи и къ болѣе широкому наблюденію дѣйствительной жизни, чтобы убѣдиться, что эта форма далеко не составляетъ явленія общаго для всѣхъ временъ и мѣстъ, далеко не имѣетъ безусловно абсолютнаго, необходимаго и постояннаго характера и представляетъ собою ничто иное, какъ одинъ изъ видовъ распредѣленія богат-

ствъ, ничто иное какъ известнаго рода порядокъ, вытекающій изъ общественныхъ законовъ и обычаевъ, а следовательно изъ отношеній, устанавливаемыхъ и поддерживаемыхъ человѣческой волею, а потому видоизмѣняющихся сообразно явлению въ чувстваваніяхъ и мнѣніяхъ чело-
вѣчества.

Дѣйствительно, стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на историческое развитіе народовъ и на бытіе различныхъ современныхъ обществъ, чтобы убѣдиться, что на ряду съ распределеніемъ, основаннымъ на явнѣ и соперничествѣ, постоянно существовалъ и существуетъ другой способъ распределенія, основанный на началѣ обычая, власти или закона, какъ это мы видимъ напр въ предѣлахъ семьи, въ различнаго рода патріархальныхъ союзахъ, въ обществахъ, гдѣ существуетъ рабство, крѣпостной трудъ, въ залаціяхъ, въ которыхъ господствуютъ различнаго рода укоренившіеся обычаи, правительственныя ограниченія и монополіи, препятствующія свободному проявленію соперничества, наконецъ, какъ это мы видимъ почти во всѣхъ современныхъ государствахъ, по отношенію къ вознагражденію различнаго рода государственныхъ услугъ.

Такимъ образомъ оказывается, что исключеніе изъ политической экономіи вопросовъ, касающихся производства и потребления богатствъ и услугъ, на томъ основаніи, что по отношенію къ нимъ нельзя прійти къ абсолютной истинѣ, совершенно неосновательно, такъ какъ въ сущности законы распределенія вообще, а следовательно и обмѣна, основаннаго на соперничествѣ, какъ учрежденія, зависящія отъ чело-
вѣческой воли, имѣютъ сравнительно характеръ болѣе преленный и измѣнчивый, нежели явленія производства и потребления, а потому повидимому требуютъ еще большихъ усилій для того, чтобы прійти къ абсолютнымъ истинамъ въ строгомъ смыслѣ слова, нежели сколько это

необходимо по отношенію къ вопросамъ производства и потребления.

Точно также неосновательно, говоря о мнѣн, исключительно ограничиваться одною формою ея, основанною на соперничествѣ, на законѣ спроса и предложенія. Понятіе явны, по сущности своей, несравненно болѣе широко и обвиняетъ собою различные виды обращенія цѣнностей, а не только одинъ видъ, сопровождаемый конкуренціею. Вознагражденіе государственныхъ услугъ, а также другіе виды обмѣна, показываютъ, что мнѣна можетъ совершаться и безъ конкуренціи, которая повтому не составляетъ всегдашней и необходимой принадлежности обращенія цѣнностей, и потому можетъ быть или небыть при заключеніи мнѣнаго акта, нисколько не измѣняя сущности мнѣны. Правда, можно считать, что формы хозяйственной жизни, въ основѣ которыхъ лежатъ соперничество и личный интересъ, представляются абсолютно высшими и лучшими формами, обладающими вѣнзавѣною, непереживаемою силою; но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы всякія другія формы обращенія цѣнностей, неподходящія подъ нихъ, не были-бы экономическими явленіями и не должны входить въ область политико-экономическихъ изслѣдованій. Исторія народнаго хозяйства и наблюденіе надъ современнымъ бытіемъ показываютъ, что эти формы обращенія и распределенія цѣнностей, въ высшей степени разнообразны и измѣнчивы. Поэтому, если строго придерживаться опредѣленія Маклеода, и ограничивать предметъ политической экономіи изученіемъ только одной господствующей современной формы обмѣна, то въ такомъ случаѣ для каждаго періода хозяйственной жизни народа, а также для различныхъ другихъ формъ современнаго обмѣна, существующихъ на ряду съ обмѣномъ, основаннымъ на соперничествѣ, при-

шлось бы создавать особые науки, такъ что не предвидѣлось бы конца образованія новыхъ наукъ.

Такимъ образомъ, очевидно, что взглядъ Маклеода, ограничивая область политической экономіи одною теоріею современнаго общаго, основаннаго на личномъ интересѣ и соперничествѣ, совершенно нерационаленъ, такъ какъ въ основѣ его, очевидно, лежитъ смѣшеніе законовъ политической экономіи съ законами соперничества, находящими себѣ выраженіе въ законѣ цѣнъ, основанномъ на началѣ запроса и предложенія. Неудивительно поэтому, что такого рода ошибочный взглядъ привелъ Маклеода къ одностороннимъ и ошибочнымъ результатамъ, проявившимся въ неправильномъ взглядѣ его на значеніе производства и потребления, на значеніе труда и его вліянія на цѣнность, на характеръ образованія и развитія цѣнъ, на значеніе ренты и налога и къ многимъ другимъ неправильнымъ выводамъ.

Чтобы окончательно убѣдиться въ несостоятельности этого опредѣленія, прибавимъ еще нѣсколько словъ относительно того, какъ Маклеодъ и другіе писатели, придерживающіеся этого взгляда на политическую экономію, понимаютъ слово *цѣнность*. «Слово цѣнности», говоритъ американскій экономистъ Перри, представляетъ самое точное опредѣленіе области политической экономіи. Насколько простирается понятіе цѣнности, настолько простирается и наука; гдѣ оканчиваются предѣлы цѣнности, тамъ оканчивается и наука. Политическая экономія есть наука о цѣнности и ничего болѣе. Опредѣлять съ точностью, что такое цѣнность, отдѣлять ее отъ прочихъ понятій, которыя часто смѣшиваютъ съ нею, значить, положить основаніе вполне удовлетворительнаго и точнаго опредѣленія науки». Это совершенно справедливо, но, къ сожалѣнію, Перри, вслѣдъ за Бастіа и Маклеодомъ, подъ словомъ цѣнность понимаетъ исключительно *цѣнность мнѣшную*. Дѣйствительно, по сло-

вамъ Бастіа и Маклеода, цѣнность есть явленіе, необходимо связанное съ мнѣшою. Маклеодъ буквально говоритъ, что идея цѣнности не могла бы существовать безъ мнѣши. Но такого рода ограниченіе понятія цѣнности нисколько не соответствуетъ дѣйствительному смыслу этого слова и обнижаетъ только одну видъ цѣнности, цѣнность мнѣшную, общественную. Но цѣнность есть такого рода понятіе, которое можетъ существовать и для изолированнаго человека, и для отдѣльнаго хозяйства, гдѣ различнаго рода произведенія и услуги могутъ классифицироваться по категоріи цѣнности, то есть, по затратѣ большаго или меньшаго количества труда. Очевидно, что понятіе цѣнности, зависящее отъ труда, можетъ существовать независимо отъ мнѣши, такъ какъ въ сущности оно предшествуетъ мнѣшѣ, которая ограничивается по отношенію къ ней только тѣмъ, что опредѣляетъ ее съ большою строгостью и точностью.

Такимъ образомъ, рассматривая политическую экономію съ точки зрѣнія мнѣши и мнѣшной цѣнности, мы снова необходимо приходимъ къ основному понятію труда. Производится обмѣнъ произведеній и услугъ, следовательно человѣческихъ усилій. Но произведенія и услуги должны быть эквивалентны и цѣнность естественнымъ образомъ измѣряется успіемъ совершеннымъ или успіемъ сбереженнымъ. То, что мы покупаемъ, это вода, хлѣбъ, масло и т. д., но то, за что и тѣмъ мы платимъ, это несомнѣнно, и безъ всякаго преувеличенія, — *человѣчскій трудъ*. Не вода собственно стоитъ столько то, но трудъ, употребленный для принесенія и добычанія ея. Словомъ, съ какою бы точнѣ зрѣнія мы не отправлялись въ области экономическихъ явленій, мы постоянно наталкиваемся на великую идею труда. Она представляетъ собою, какъ бы главный входъ храма, къ которому примыкаютъ все пути. И дѣйствительно, какъ мы увидимъ далѣе, этотъ обширный предметъ,

разсматриваемый съ определенной точки зрѣнія, и составляетъ собственно главный центръ экономическихъ изысканій.

Но для Маклеода и послѣдователей его, трудъ имѣть только второстепенное значеніе. Для нихъ имѣть необходимости для того, чтобы вещь имѣла цѣнность, чтобы она стоила труда. Алмазъ можетъ имѣть цѣнность даже и тогда, когда владѣющій имъ, нашелъ его случайно. Трудъ, такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, составляетъ не основаніе цѣнности, но совершенную случайность, а потому и политическая экономія должна заниматься имъ только въ этой скромной степени. Таково заключеніе, къ которому пришелъ Маклеодъ. Несомнѣнно, что въ основѣ этого взгляда лежитъ коренная ошибка въ понятіи о цѣнности. Чтобы вещь имѣла цѣнность, необходимо, чтобы въ данный моментъ, человекъ или правительственное общество, не могли бы получать ихъ безъ труда. Выгоды случайности исчезаютъ для другихъ людей, которые могутъ приобрести ихъ только посредствомъ своего труда. Вещи имѣютъ цѣнность не потому только, что они стоили, но потому что они могутъ стоить. Цѣнность такимъ образомъ по идеѣ не можетъ быть отдѣлена отъ труда и въ этомъ заключается ея действительность. Если бы отдѣльно-живущій человекъ случайно нашелъ прекрасный плодъ, то онъ не имѣлъ бы для него никакой определенной цѣнности, потому что онъ не знаетъ бы, возможно-ли съ такою же легкостью находить другіе. Но, какъ скоро онъ знаетъ тѣ трудности, которыя необходимо преодолѣть для приобретенія другихъ подобныхъ плодовъ, то и первый плодъ получаетъ для него цѣнность. Въ общественной же экономіи, гдѣ назначеніе каждаго предмета разсматривается по отношенію къ цѣлому обществу, цѣнность несомнѣнно опредѣляется общественной полезностью предмета и количествомъ усилій и затратъ, кото-

ры необходимо употребить въ данный моментъ для приобретения его.

IX.

Предшествовавшій критическій разборъ различнаго рода опредѣлений политической экономіи, какъ науки о вещественномъ богатствѣ, науки о благосостояніи, науки о мѣнѣ и цѣнности, приводитъ къ весоминому убѣжденію, что всѣ эти опредѣленія неудовлетворительны, ибо одѣ изъ нихъ чрезмѣрно суживаютъ науку, другія чрезмѣрно расширяютъ ее. Неудивительно, что въ области экономической науки, къ числу предшествовающихъ опредѣлений, примкнулъ еще новый рядъ, въ основу котораго легло понятіе труда, промышленности, хозяйственной дѣятельности, народного хозяйства.

Во главѣ писателей, слѣдующихъ этому взгляду и занимающихъ всѣ эти террины въ ихъ широкомъ смыслѣ, обнимающемъ собою всю совокупную дѣятельность народа, направленную на приобретение всевозможныхъ средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія разнообразныхъ жизненныхъ цѣлей, стоитъ главнымъ образомъ знаменитый французскій экономистъ Шарль Дюноае. Ему, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ заслуга, если не перадо, то по крайней мѣрѣ наиболее яснаго и отчетливаго указанія на совокупность различныхъ экономическихъ явленій, входящихъ въ область науки, которую онъ, вслѣдъ за Соемъ, съ полнымъ правомъ назвалъ общественной экономіею. Единственный и существенный предметъ этой науки, говоритъ онъ въ предисловіи къ своему труду: *La liberté du travail*, заключается въ томъ, чтобы изыскать опытнымъ путемъ, при какихъ условіяхъ, слѣдуя какимъ законамъ, подъ влияніемъ какихъ привычекъ, люди достигаютъ возможности удовлетворять своимъ потребностямъ съ наибольшою сво-

бодую, то есть съ наибольшимъ могуществомъ, посредствомъ тѣхъ природныхъ силъ и способностей, приложение къ дѣлу которыхъ составляетъ человѣческой трудъ.

Такого рода взглядъ на предметъ политической экономіи породилъ многихъ послѣдователей. Такъ, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Дюбуа, *Кокленъ* опредѣлялъ политическую экономію наукою о законахъ промышленнаго міра, *Гарнье* — наукою о законахъ труда и человѣческой промышленности; *Фонтенро* — наукою о трудѣ и его вознагражденіи; *Бодрильяръ* — наукою о законахъ труда и мѣны; *Огюст* — наукою о трудѣ, разсматриваемомъ съ общественной точки зрѣнія; *Марло* — наукою о цѣлесообразнѣйшемъ устройствѣ труда; *Фр. Пассе* — наукою, разсматривающею приложение человѣческой дѣятельности къ поддержанію и развитію человѣческой жизни; *Леонарди де Вольте* — наукою, стремящеюся изыскать способы, посредствомъ которыхъ люди могутъ удовлетворить своимъ потребностямъ наибольшѣ полнымъ образомъ и съ наименьшею суммою усилій; наконецъ *Рошертъ* и другіе — наукою о законахъ развитія народного хозяйства.

Легко видѣть, что въ основѣ всѣхъ этихъ опредѣленій лежитъ одно и тоже общее понятіе труда, сознательной дѣятельности человѣка, направленной на удовлетвореніе его потребностей, дѣятельности, которую называютъ то хозяйственною, то промышленною, то экономическою. Дѣйствительно, исходя изъ міроваго естественнаго порядка, не трудно прийти къ убѣжденію, что трудъ составляетъ общій, неизбѣжный удѣлъ человѣка. Человѣкъ, помѣщенный среди земнаго шара, необходимо долженъ обрабатывать его и въ потѣ лица добывать свой насущный хлѣбъ. Таковъ законъ, которому учить самое древнее религиозное преданіе и истина котораго подтверждается опытомъ всѣхъ вѣковъ. Обязанность труда составляетъ фактъ первоначальный,

всеобщій, господствующій надъ всемъ существованіемъ человѣка. Она одновременно является физическою и нравственною необходимостью, отъ которой нельзя освободиться человѣку. Трудъ можно сдѣлать менѣе тягостнымъ, превратить его изъ мускульнаго усилія въ умственное, но уничтожить вовсе невозможно, такъ какъ въ немъ заключается самое проявленіе человѣческой жизни. Человѣчество нетрудающееся немислимо. По этому можно сказать, что въ фактѣ труда заключается основной и существенный признакъ экономическихъ явленій. Вотъ почему, исходя изъ идеи труда, легко обнять всѣ экономическіе вопросы, какъ касающіеся разнообразныхъ матеріальныхъ и нравственныхъ, личныхъ и общественныхъ условій производства богатствъ, такъ и относящіеся къ различнымъ условіямъ вознагражденія труда, не исключая въ тоже время и вопроса о потребленіи различнаго рода благъ, какъ окончательной цѣли всякой человѣческой дѣятельности.

Но при этомъ необходимо замѣтить, что слово трудъ, безъ всякаго другаго ограниченія, представляетъ понятіе слишкомъ широкое, которое, выходя за предѣлы политической экономіи, никоимъ образомъ не можетъ быть исчерпано ею во всей его полнотѣ. Дѣйствительно, трудъ можно разсматривать съ двойкой точки зрѣнія: съ точки зрѣнія индивидуальной, свойственной каждому отдельному виду труда и съ точки зрѣнія общественной. По счастію, что съ первой точки зрѣнія, наука труда, приводитъ насъ къ сознанію различнаго рода правилъ, показывающихъ какимъ образомъ можно производить различнаго рода предметы наилучшаго качества, можетъ быть только наукою техническихъ процессовъ и операций, свойственныхъ природѣ каждаго отдельнаго вида труда, или говоря иначе, только теорією искусства. Политическая же экономія раз-

считиваетъ трудъ съ общественной точки зрѣнія. Общественное состояніе составляетъ абсолютное условіе всякаго развитія человѣческаго проявленія, всякаго развитія человѣческихъ способностей и склонностей, а потому и трудъ — эта существенная часть индивидуальной дѣятельности человѣка, представляется также существеннѣйшимъ проявленіемъ общественной дѣятельности и въ этомъ смыслѣ становится предметомъ особой науки — политической или общественной экономіи.

Такимъ образомъ, идея общества, присоединяясь къ идее труда, дополняетъ предметъ нашей науки. Этотъ предметъ есть трудъ, рассматриваемый съ общественной точки зрѣнія, или, если угодно, общество, рассматриваемое съ точки зрѣнія труда. Одна и другая формула равно выражаютъ ту же мысль. Но такъ такъ рассматривать трудъ съ общественной точки зрѣнія значитъ рассматривать его съ точки зрѣнія общественного блага или пользы, которая въ каждый данный моментъ находитъ себѣ выраженіе въ цѣнности, то очевидно, что и науку, занимающуюся изученіемъ общественныхъ явленій съ этой точки зрѣнія, можно назвать наукою труда, рассматриваемого съ точки зрѣнія общественной пользы, или иначе, цѣнности, не забывая при томъ, что подъ словомъ цѣнность подразумѣвать не одну мѣрную цѣнность, но понятіе болѣе широкое, возникающее изъ сознанія пользы и труда.

Легко видѣть, что политическая экономія, понимаемая въ такомъ смыслѣ, представляется уже не ученіемъ о вещественныхъ благахъ, о матеріальныхъ интересахъ, о мѣновыхъ цѣностяхъ, но наукою, обнимающею собою въ равной степени всѣ сферы мирового труда въ ихъ органической связи и взаимодѣйствіи.

Въ такомъ видѣ она, очевидно, возвышается до степени общей науки, касающейся всѣхъ отраслей обществен-

ной жизни, или, говоря иначе, превращается въ ту давно искомую и смутно сознаваемую социологію, начала которой столь тщетно пытались создать писатели, ограничившіе область экономическихъ изслѣдованій исключительно матеріальнымъ богатствомъ. Неназбжность такого перехода политической экономіи въ общую науку объ обществѣ подтверждается, какъ и всякъ историческимъ ходомъ развитія науки, такъ и въ особенности множествомъ сочиненій, написанныхъ въ послѣднее время въ этомъ направленіи. Какъ мы видѣли, въ первый разъ такого рода взглядъ на политическую экономію возникъ уже въ концѣ прошлаго столѣтія у физиократовъ. Великъ заслуга, послѣ извѣстнаго колебанія, къ подобному же воззрѣнію пришелъ подъ конецъ своей ученой дѣятельности Ж. Б. Сэй, для котораго экономическая наука представлялась общественной физиологіею или наукою комбинирующею результаты нашихъ наблюденій о природѣ и отправленияхъ различныхъ частей общественнаго тѣла. Въ такомъ же духѣ понимали политическую экономію Шторхъ, Дюроуэ, Шалойн, Бланкин, Бруно, Маливари, Шефле и множество другихъ писателей, для которыхъ политическая экономія являлась то наукою о благосостояніи, то наукою о жизни или бытій человѣка, то теоріею существованія человѣка и общества, то философіею общественной жизни и т. д. Такъ между прочимъ, для Модеста политическая экономія есть наука, которая, съ точки зрѣнія двойнаго закона полезности и цѣнности, занимается поддержаніемъ и расширеніемъ человѣческой жизни посредствомъ употребленія и обмена жизни. По мнѣнію Дипеля, совокупная область науки о человѣкѣ естественно всего можетъ быть раздѣлена на одну всеобщую науку, предметомъ которой служитъ познаніе общихъ явленій, свойственныхъ всѣмъ человѣческимъ фактамъ и на рядъ специальныхъ наукъ, занимающихся различными глав-

ными группами человеческих явлений. При этом поднимается всеобщая наука о человеке, к которой примыкает ряд специальных наук, они разумеют политическую экономию. Наконец Кэри прямо превращает политическую экономию в социальную науку, которая, по его словам, занимается человеком, рассматриваемым в его условиях, действующих им для сохранения и улучшения своего существования, и которая представляется ему наукою о законах, управляющих деятельностью человека в его стремлении к приобретению наибольшей степени индивидуальности и к достижению величайшей силы ассоциации с другими людьми.

Таким образом все, повидимому, доказывает, что политическая экономия стремится выйти на новый более широкий путь и в своем обновленном и преобразованном виде начинает превращаться в одну общую науку о человеке с его умственной и нравственной личностью, проявляющуюся главным образом в его хозяйственной деятельности, направленной на удовлетворение разнообразных потребностей его физической и духовной природы. Такова, по крайней мере, господствующее направление в большей части выдающихся произведений современной экономической литературы и нельзя не признать, что только при таком понимании политической экономии можно рассчитывать на более полное разъяснение различных хозяйственных явлений из крайних доступных познанию сил, производящих их, на более правильное понимание органической связи всех частей хозяйственной жизни, на более верное суждение о значении различных отраслей общественной деятельности, а следовательно в окончательном результате на водворение более истинных понятий, несомненно извращенных в массах в настоящую минуту.

Но такое возвышение политической экономии до степени науки, обнимающей собою все сферы общественной деятельности, может навлечь на нее, повидимому, справедливый упрек в честолюбивом стремлении расширить сферу экономической области на счет других наук. Для приближения возможных недоразумений, необходимо заметить, что каждое проявление, как материальной, так и нематериальной сферы деятельности, можно рассматривать с двух основных точек зрения; во-первых: с точки зрения *технической*, или иначе, с точки зрения *особенных, специальных законов*, исключительно свойственных каждой отрасли труда и которых нельзя смешивать с законами других сфер; и во-вторых, с точки зрения *общих законов*, свойственных всем сферам деятельности, законов, в которых собственно и проявляется органическая связь, соединяющая все отправления промышленной жизни в одно неразрывное целое.

Что касается технической стороны различных элементарных начал и особенных специальных законов, свойственных разнообразным сферам материального и духовного труда, то политическая экономия, не затрагивая их, предоставляет изучение их различным специальным наукам. Так агрономия и технология она предоставляет изучение законов производства сельскохозяйственных и мануфактурных продуктов; коммерция — условия производства торговли; медицина — условия физического сохранения; мораль, эстетика и педагогика — условия необходимые для обеспечения воспитания и образования в обществе; богословие и каноническое право — условия религиозной деятельности; политика — определение функций и трудов, необходимых для сохранения государства.

Съ своей же стороны политическая экономия, как наука о всемъ обществах, не вдаваясь въ подробный раз-

боръ безчисленныхъ техническихъ процессовъ и специальныхъ законовъ, относящихся до различныхъ сферъ человеческой дѣятельности, довольствуется тѣмъ, что указываетъ общія, аналогическія черты, свойственныя всѣмъ этимъ сферамъ; опредѣляетъ мѣсто, которое онѣ занимаютъ въ великой мастерской общественнаго труда; функции, которыя онѣ исполняютъ; влияние и полезное содѣйствіе, которое оказываютъ другъ на друга; условія, отъ которыхъ зависитъ ихъ процвѣтаніе и могущество; результаты которыя онѣ порождаютъ; словомъ, изучая всѣ сферы дѣятельности въ ихъ взаимной связи и взаимодействіи, политическая экономія убавываетъ тѣ общіе законы, которые въ одинаковой степени свойственны всѣмъ отраслямъ дѣятельности, связываютъ ихъ въ одно органическое цѣлое, имѣющее въ виду одну и ту же конечную цѣль — способствованіе наилучшему удовлетворенію человеческихъ потребностей.

Очевидно, что политическая экономія, хотя и приходится въ сопряженіе со всѣми прочими науками и искусствами, тѣмъ не менѣе нисколько не отвергаетъ самостоятельнаго существованія ихъ и, въ свою очередь, представляется существенно отличною отъ всѣхъ ихъ. Останавливаясь, такъ сказать, у воротъ каждаго святилища, въ которомъ разрабатываются различнаго рода науки и искусства, она разсматриваетъ ихъ только съ одной точки зрѣнія благосостоянія челоука и общества, съ точки зрѣнія общественной пользы, съ точки зрѣнія цѣлности и законности ея. Въ такомъ видѣ она далеко не является смѣсью всѣхъ наукъ, трактатомъ *de omni re scibili*, въ чемъ ее нѣрѣдко упрекали, но очевидно, наукою весьма ограничевною, опредѣленною, спеціальною, наукою, за которую нельзя не признать простоты и единства. Дѣйствительно, если допустить, что въ промышленномъ мѣрѣ, въ экономіи общества, подъ влияніемъ различнаго рода силъ, вытекаю-

щихъ изъ человеческой природы и ея отношеній къ вѣстному міру, существуютъ неизбѣжныя постоянныя отношенія, неизбѣжный общественный порядокъ, различающійся въ основаніи непреложныхъ естественныхъ законовъ, и который въ тоже время можетъ быть констатированъ и опредѣленъ, то очевидно, что можетъ существовать и самостоятельная наука, задача которой будетъ заключаться въ томъ, чтобы изучать эти постоянныя отношенія, этотъ неизбѣжный порядокъ, эти непреложныя законы и такая наука есть политическая экономія. Ясно, что она имѣетъ свою опредѣленную задачу, свой строго очерченный кругъ изученія, изъ предѣловъ котораго она не можетъ выйти, подъ опасеніемъ измѣнить самой себя и потеряться въ лабиринтѣ различныхъ частныхъ явленій, составляющихъ предметъ изученія прочихъ отраслей человеческого знанія.